

УДК 342.9:343.9:616.89(739.7)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.352-380>

Ж. Б. ХЕЛЬФГОТТ¹,
У. С. ПАРКИН¹,
К. ФИШЕР²

¹ Университет Сиэтла, г. Сиэтл, США

² Отдел полиции, г. Сиэтл, США

МИСДИМИНОР С УЧАСТИЕМ ЛИЦ С РАССТРОЙСТВАМИ ПОВЕДЕНИЯ В СИЭТЛЕ: ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ, ПЕРЕДАЧИ ДЕЛА В ПРОКУРАТУРУ, ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ

Контактное лицо:

Хельфголт Жаклин Б., профессор кафедры уголовного судопроизводства и руководитель центра правопедания, Университет Сиэтла
Адрес: 901 12th Ave, Seattle, WA 98115, USA
E-mail: jhelfgot@seattleu.edu

Паркин Уильям С., кандидат наук по уголовному судопроизводству, Университет Сиэтла
Адрес: 901 12th Ave, Seattle, WA 98115, USA

Фишер Кристофер, доктор уголовного правосудия, исполнительный директор по стратегическим вопросам, Отдел полиции г. Сиэтла

Цель: изучение специфики досудебного и судебного производства по делам, связанным с совершением мисдиминора лицами с расстройствами поведения на территории крупнейшего города на северо-западе США – Сиэтле.

Методы: в работе применяется квазиэкспериментальный метод для изучения особенностей задержания, передачи дела в прокуратуру, предъявления обвинения и рассмотрения дела по существу при совершении мисдиминора лицами с расстройствами поведения. Выборка из 505 проступков с участием лиц с расстройствами поведения в Сиэтле в период 2016–2018 гг. сравнивалась с аналогичной случайной выборкой из 1 053 проступков, не отмеченных поведенческим кризисом. Изучались сходства и различия между этими выборками на этапах задержания, передачи дела в прокуратуру, предъявления обвинения и рассмотрения дела по существу.

Результаты: правонарушения категории «мисдиминор» часто совершаются людьми, переживающими поведенческий кризис того или иного рода, например, психическое расстройство, зависимость от алкоголя и наркотиков, бездомность. Досудебное и судебное производство по делам, связанным с совершением мисдиминора лицами с расстройствами поведения, остается недостаточно изученным в научной литературе и правоприменительной практике. В 2015 г. в отделе полиции Сиэтла была введена Политика вмешательства в кризисной ситуации (Crisis Intervention Policy) и разработан соответствующий регламент, что позволило системно учитывать проступки с участием лиц с расстройствами поведения и совершенствовать меры полицейского реагирования в отношении них. В работе рассматриваются проблемы, возникающие при досудебном и судебном производстве по делам, связанным с совершением мисдиминора лицами в состоянии поведенческого кризиса.

Научная новизна: в работе впервые обоснован вывод о том, что лица с расстройствами поведения чаще, по сравнению с лицами, не имеющими расстройства поведения, подвергаются задержанию; им чаще предъявляют обвинения, их чаще заключают под стражу. Причем, как показывает анализ статистических показателей, среди лиц с расстройствами поведения больше женщин.

* Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Helfgott J. B., Parkin W. S., Fisher Ch. Crisis-flagged Misdemeanors in Seattle: Arrests, Referrals, Charges, and Case Dispositions, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2019, Vol. 20, No. 2, pp. 59–85.

URL публикации: <https://scholasticahq.com/criminology-criminal-justice-law-society/>

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с предупреждением и пресечением правонарушений.

Ключевые слова: мисдиминор; правонарушение; производство по делам об административных правонарушениях; реагирование на поведенческий кризис; расстройство поведения; юридический процесс

Благодарность: в настоящем исследовании использованы данные Исследовательской группы по проблемам судопроизводства по мисдиминорам (Research Network on Misdemeanor Justice), полученные благодаря поддержке фонда Laura and John Arnold foundation из баз данных колледжа уголовного судопроизводства John Jay College of Criminal Justice, отдела полиции Сиэтла, прокуратуры Сиэтла, муниципального суда Сиэтла, а также отдела округа Кинг по предотвращению преступности среди взрослых и несовершеннолетних. Авторы выражают благодарность доктору Meredith Patten, исполнительному директору Исследовательской группы по проблемам судопроизводства по мисдиминорам, и Preeti Chauhan, руководителю проекта по проблемам судопроизводства по мисдиминорам в колледже уголовного судопроизводства John Jay College of Criminal Justice, за их поддержку включения Сиэтла в программу Исследовательской группы по проблемам судопроизводства по мисдиминорам. Особая благодарность нашим партнерам из местной системы уголовного судопроизводства: главе полиции Сиэтла Carmen Best, заместителю главы Adrian Diaz, координатору программы отдела полиции Сиэтла по реагированию на кризисные ситуации сержанту Dan Nelson, прокурору Сиэтла Pete Holmes, главе уголовного отдела Kelly Harris, менеджеру уголовного отдела Brialle Engelhardt, советнику по стратегическим вопросам муниципального суда Сиэтла Rich Cook, менеджеру отдела по предотвращению преступности среди взрослых и несовершеннолетних Mike West. Также благодарим сотрудников Исследовательской группы по проблемам судопроизводства по мисдиминорам Lauren Morgan, Natalie Castillo и Simran Kaur.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Хельфготт Ж. Б., Паркин У. С., Фишер К. Мисдиминор с участием лиц с расстройствами поведения в Сиэтле: особенности задержания, передачи дела в прокуратуру, предъявления обвинения и рассмотрения дела по существу // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 352–380. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.352-380>

J. B. HELFGOTT¹,

W. S. PARKIN¹,

CH. FISHER²

¹ Seattle University, USA

² Seattle Police Department, USA

CRISIS-FLAGGED MISDEMEANORS IN SEATTLE: ARRESTS, REFERRALS, CHARGES, AND CASE DISPOSITIONS

Contact:

Jacqueline B. Helfgott, a Professor/Director of the Seattle University Department of Criminal Justice Crime and Justice Research center

Address: 901 12th Ave, Seattle, WA 98115, USA

Email: jhelfgot@seattleu.edu

William S. Parkin, Ph.D. in criminal justice, Seattle University

Address: 901 12th Ave, Seattle, WA 98115, USA

Christopher Fisher, the Executive Director of Strategy to the Chief of Police, Seattle Police Department

* The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Helfgott J. B., Parkin W. S., Fisher Ch. Crisis-flagged Misdemeanors in Seattle: Arrests, Referrals, Charges, and Case Dispositions, Criminology, Criminal Justice, Law & Society, 2019, Vol. 20, No. 2, pp. 59–85.

Publication URL: <https://scholasticahq.com/criminology-criminal-justice-law-society/>

Objective: to study the features of misdemeanor arrests, charges, referrals, and case dispositions of behavioral crisis-flagged incidents in the largest city in the US north-west – Seattle.

Methods: the study employs a quasi-experimental design to examine misdemeanor arrests, charges, referrals, and case dispositions of behavioral crisis-flagged incidents to better understand how individuals who are experiencing behavioral crisis are processed through the misdemeanor justice system. A sample of 505 cases of behavioral-crisis flagged incidents in Seattle from 2016-2018 are compared with a matched random sample of 1053 non-crisis cases examining similarities and differences in arrest, referral, charges, and case disposition.

Results: misdemeanor offenses often involve individuals experiencing behavioral crises such as mental illness, drug and alcohol addiction, and homelessness. Little is known about how individuals in behavioral crisis arrested for misdemeanors are processed through the criminal justice system. In 2015, the Seattle Police Department implemented a Crisis Intervention Policy that employed a crisis template enabling systematic identification of incidents flagged by law enforcement as involving “behavioral crisis” to improve data collection and police response to incidents involving individuals in behavioral crisis. Implications for crisis intervention, case processing, and managing individuals who commit misdemeanors while in behavioral crisis are discussed.

Scientific novelty: for the first time, the work substantiated the conclusion that individuals involved in crisis-flagged incidents are arrested at a consistently higher rate; are more likely to be charged, taken into custody, and incarcerated; and are more likely to be female.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to prevention and elimination crimes.

Keywords: Misdemeanor; Crime; Administrative legal procedure; Crisis Intervention Policy; Behavioral crisis; Legal procedure

Acknowledgment: This research utilizes data from the Research Network on Misdemeanor Justice supported by the Laura and John Arnold foundation through John Jay College of Criminal Justice, The Seattle Police Department, the Seattle City Attorney’s Office, the Seattle Municipal Court, and the King County Department of Adult and Juvenile Detention. Thanks to Drs. Meredith Patten, Executive Director of the Research Network on Misdemeanor Justice, and Preeti Chauhan, Director of the Misdemeanor Justice Project at John Jay College of Criminal Justice, for their support in including Seattle as a site in the Research Network on Misdemeanor Justice. Special thanks to our community criminal justice partners, Seattle Police Chief Carmen Best, Assistant Chief Adrian Diaz, and SPD Crisis Intervention Coordinator Sergeant Dan Nelson, Seattle City Attorney Pete Holmes, Criminal Division Chief Kelly Harris, Criminal Division Manager Brialle Engelhardt, Seattle Municipal Court Strategic Advisor Rich Cook, and Department of Adult and Juvenile Detention Project/Program Manager Mike West. Thanks also to Research Network on Misdemeanor Justice Research Assistants Lauren Morgan, Natalie Castillo and Simran Kaur.

For citation of Russian version: Helfgott J. B., Parkin W. S., Fisher Ch. Crisis-flagged Misdemeanors in Seattle: Arrests, Referrals, Charges, and Case Dispositions, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 2, pp. 352–380. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.352-380>

Введение

Ежегодно в США подается более 13 миллионов исков за мисдиминор [1]. Количество таких преступлений далеко превосходит количество тяжких преступлений¹. Мисдиминор часто называют «престу-

плением, связанным с уровнем жизни»; это понятие охватывает самые разные нарушения общественного порядка – от перехода улицы в непопозном месте до нападения, включая правонарушения, связанные с запрещенными веществами, недопустимое поведение,

¹ Не представляется возможным показать общее количество задержаний за мисдиминоры в масштабах страны, поскольку такие данные собираются только относительно насильственных и имущественных преступлений категории 1, а данные о лицах, задержанных за иные виды преступлений собираются совокупно по тяжким преступлениям и мисдиминорам (от-

личаясь в разных штатах). Однако, чтобы дать представление о масштабах совершения мисдиминоров в сравнении с тяжкими преступлениями, отметим, что в 2017 году в США было произведено 518 617 арестов за тяжкие насильственные преступления и 1 249 757 арестов за имущественные преступления [2].

бродяжничество, проникновение, нарушение городских постановлений. Эти правонарушения низшей категории являются во многом результатом «повседневных жизненных проблем», которые испытывают лица с психическими заболеваниями, зависимые от алкоголя и наркотиков, живущие в крайней бедности, бездомные [3, р. 6]. Хотя эти правонарушения незначительные, арест оказывает на таких лиц большое влияние и имеет далеко идущие последствия, иногда превосходящие таковые от уголовного наказания, включая проблемы с жильем, работой, финансовые трудности, депортацию. Лица, арестованные и осужденные за мисдиминор, подвергаются стигматизации, наказанию и имеют сопутствующие проблемы в той же мере, что и за тяжкие преступления. Общенациональная тенденция массовых процессов и приговоров за мисдиминор перегружает систему уголовного судопроизводства и затрудняет отправление правосудия для непосредственно участвующих в нем лиц [4, 1, 5].

В течение последних двух десятилетий в стране наблюдалось постоянное снижение числа арестов за мисдиминор, особенно выраженное в последние годы. Несмотря на это, исследования показывают отчетливый и систематический расовый дисбаланс в этой области с постоянным непропорциональным увеличением числа арестов чернокожих² [6]. В последние годы ученые обращали особое внимание на сложные проблемы, связанные с правоохранительными действиями по поводу незначительных преступлений, производящимися в отношении уязвимых категорий населения (например, задержания за бродяжничество, которые непропорционально затрагивают лиц без постоянного места жительства), которые создают ситуационные и пространственные барьеры, в конечном

итоге отгораживающие такие категории населения [7–10]. Лица, попадающие в систему уголовного судопроизводства за мисдиминор, обычно настолько социально обездолены, что сам по себе процесс за мисдиминор получил название «признак неблагополучия», который непропорционально затрагивает «бедных, рабочий класс, афроамериканцев, латиноамериканцев, иммигрантов, молодежь, бездомных, психически больных, лиц с зависимостью» [1, р. 11].

Одна из наиболее уязвимых групп, попадающих в систему уголовного судопроизводства, – это лица, страдающие от психических заболеваний и/или алкогольной и наркотической зависимости. В 1960-е гг. произошла деинституционализация и ликвидация местных учреждений для психически больных, и ответственность за реагирование на них стали нести не социальные службы, а система уголовного правосудия. Количество психически больных в системе уголовного правосудия непропорционально велико [11]. Даже в тех юрисдикциях, где число заключенных снижается, количество заключенных с серьезными психическими заболеваниями растет [12]. Доля психически нездоровых заключенных в местах лишения свободы оценивается как 10–27%, при этом более половины из них имеют также проблемы с употреблением запрещенных веществ, и доля таких заключенных значительно выше в тюрьмах штатов и судах низшего уровня [13]. Лица с психическими заболеваниями подвергаются дискриминации и особым условиям содержания, они дольше находятся в заключении по сравнению с лицами без таких заболеваний [14].

Влияние процессов за мисдиминор на уязвимые группы населения

Аресты за мисдиминор традиционно использовались отделами правоохранительных органов в качестве своеобразной «политики разбитых окон», «политики, связанной с уровнем жизни» [15–18], «меры быстрого реагирования» [19, 20] в соответствии с «теорией разбитых окон» Уилсона и Келлинга [21]. Хотя исследования показали, что «политика, связанная с уровнем жизни» действительно имеет сдерживающий эффект примерно для половины граждан [22], в последнее время обращают все больше внимания на «темную» сторону «политики разбитых окон» [23]. Было показано, что аресты за мисдиминор могут способствовать вступлению в мир уголовной

² В своем общенациональном эмпирическом исследовании трендов в области мисдиминора в США в период 1994–2014 гг. Stevenson и Mayson показали, что для ряда видов мисдиминоров, таких как вождение в нетрезвом виде, распитие спиртных напитков в общественном месте и другие нарушения алкогольной политики, уровень арестов белых и черных одинаков. Однако существует значительная диспропорция в уровне арестов за большинство других видов мисдиминоров. Так, черных арестовывают в два раза чаще, чем белых, за непристойное поведение, хранение наркотиков, нападение без отягчающих обстоятельств, кражи, бродяжничество, вандализм; уровень арестов черных за проституцию почти в пять раз, а за азартные игры – почти в десять раз выше, чем белых.

преступности [24], наносят вред цветным и бедным сообществам [15, 25], вытесняют употребление наркотиков в труднодоступные места и тем самым затрудняют их контроль полицией [26] и непропорционально затрагивают лиц, не имеющих доступа на частные территории [8, 9].

Аресты за мисдиминор непропорционально затрагивают такие уязвимые группы населения, как психически больные и/или лица с алкогольной и наркотической зависимостью и крайней бедностью. Среди арестованных число лиц с хроническими психическими заболеваниями значительно превышает их долю в общем населении [27]. *Beckett* и *Herbert* [8, 9] предположили, что такой перекокс отражает современную форму изгнания из сообщества как способ восстановления правопорядка. Правила поведения в городах (например, запрет на посещение парков или проход через определенные территории, постановления, запрещающие лицам, осужденным за некоторые преступления, находиться в определенных местах) криминализируют действия, свойственные бездомным, такие как сидение на тротуаре, попрошайничество, проживание в палатке. Такие методы исключения непропорционально ущемляют людей, считающихся социально нежелательными, при этом не снижая вред, связанный с зависимостями, бездомностью или психическими расстройствами.

Ученые лишь недавно начали систематически рассматривать тренды арестов и судебные процедуры при мисдиминоре. Так, результатом проекта *The Misdemeanor Justice Project (MJP)*, проводимого колледжем уголовного судопроизводства *John Jay College of Criminal Justice* в г. Нью-Йорке в рамках программы *Data Collaborative for Justice*³, стала серия отчетов о ситуации с мисдиминором в г. Нью-Йорке, других городах на севере штата и в штате Нью-Йорк в целом, в которых обобщаются объективные данные за последние тридцать лет с целью информирования законодателей, сотрудников системы уголовного правосудия и широкой общественности [28]. В недавних работах исследуются тренды правоохранных действий, связанных с оборотом марихуаны в штате Нью-Йорк [29] и арестов за мисдиминор в г. Нью-Йорке с 1993 по

2016 гг. [30]. Через работу Исследовательской группы по проблемам судопроизводства по мисдиминорам (*Research Network on Misdemeanor Justice (RNMJ)*) эта деятельность была расширена до общенационального уровня, охватив такие города, как Дарем, Лос-Анджелес, штат Калифорния; Луисвилль, штат Кентукки; Меридиан, штат Миссисипи; округ Принс-Джорджес, штат Мэриленд; Сиэтл, штат Вашингтон и Сент-Луис, штат Миссури. Эти города представили отчеты о различных аспектах арестов, следствия и судопроизводства при мисдиминоре, применяющихся в разных юрисдикциях; отчет по Сиэтлу «Тренды арестов, судебных рассмотрений и приговоров при мисдиминоре в Сиэтле» был подготовлен авторами *Helfgott, Parkin, Fisher, Morgan* и *Kaur* [31].

Остается недостаточно изученной ситуация, когда за мисдиминор подвергается аресту и уголовному судопроизводству лицо, находящееся в состоянии поведенческого кризиса. Если мелкое правонарушение совершено лицом во время психического и/или эмоционального стресса, то система охраны правопорядка и уголовного судопроизводства должна это учитывать. Большинство лиц, страдающих психическими расстройствами и/или зависимостями, не представляют серьезной угрозы общественной безопасности, а требования закона в отношении возможного умышленного и неумышленного вреда неоднозначно определяют баланс между гражданскими правами и безопасностью [32, 33]. Чтобы защитить граждан с психическими расстройствами и другие уязвимые категории от необоснованных арестов, необходимо понимать, когда следует предпринимать правоохранные действия, а когда нет, и какие это должны быть действия [27]. Например, 11 марта 2019 г. 34-летний мужчина по имени Джонатан Джеймс Уилсон, который был известен как психически нездоровый, бездомный, употреблявший наркотики и неоднократно совершавший мелкие правонарушения, был осужден в Сиэтле за намеренное нападение. В 9 часов утра он схватил незнакомую женщину и попытался сбросить ее с высоты 40 футов на дорожной развязке. Женщина вцепилась в ограждение, а Уилсон повторял: «Хочешь перейти черту?» На помощь пришел прохожий, который сумел оттащить от хрупкой женщины Уилсона, который был ростом около 190 см и весом более 100 кг. Как выяснилось, ранее Уилсон совершил несколько подобных нападений, за которые ни разу

³ URL: <https://datacollaborativeforjustice.org/project/research-network-on-misdemeanor-justice/> (дата обращения: 01.08.2019).

не понес наказание, так как был признан недееспособным [34].

Этот инцидент показывает, какие сложности представляет собой наличие бездомных, психически нездоровых людей в сообществе. После всех трех нападений, совершенных Уилсоном в течение шести месяцев перед этим инцидентом, он признавался недееспособным; прокурор города Сиэтл не обращался за восстановлением его дееспособности, и судья муниципального суда постановил, что Уилсон должен пройти освидетельствование для направления его в режимное учреждение в гражданском порядке [35] (*MYNorthwest Staff, March 21, 2019*)⁴. Понимание механизмов психических и поведенческих расстройств очень важно для выработки стратегии и практики охраны правопорядка. Реакцию людей в состоянии поведенческого кризиса на судопроизводство при мисдиминоре необходимо учитывать при принятии решений в системе уголовного правосудия с целью максимизировать возможности помощи таким людям и защитить общественную безопасность в рамках закона.

Давно общепризнано, что при судопроизводстве в делах с мисдиминором существует значительный дисбаланс, так как у судей нет альтернативы для наказания лиц, совершавших в прошлом уголовные преступления, у которых нет возможности заплатить штраф [37, 38]. Исследователи обращают все большее внимание на гендерный [39] и расовый дисбаланс в процессах с мисдиминором [40–43]. При этом гораздо меньше известно о роли поведенческих кризисов в совершении незначительных преступлений. Требуя ответа такие вопросы, как: какой процент мисдиминоров совершают люди в состоянии того или иного поведенческого кризиса, например, психического расстройства, зависимости и/или других форм расстройства поведения? Каков самый частый тип преступления, совершаемого людьми в состоянии поведенческого кризиса? Что происходит с людьми в со-

стоянии поведенческого кризиса, когда они проходят через процедуру судопроизводства за мисдиминор? Настоящее исследование пытается ответить на эти вопросы, изучив судопроизводство по мисдиминорам, совершенным в состоянии кризиса, в Сиэтле.

Процедура судопроизводства по мисдиминорам в Сиэтле

Судопроизводство по мисдиминорам в Сиэтле осуществляется в рамках системы уголовного правосудия – от первоначального контакта с отделом полиции до передачи дела и выдвижения обвинения городской прокуратурой и далее рассмотрения дела муниципальным судом. Муниципальный суд Сиэтла (далее – *SMC*) рассматривает дела по мисдиминорам, крупным мисдиминорам и нарушениям, предусмотренным Муниципальным кодексом Сиэтла. *SMC* представляет собой ветвь власти, отделенную от законодательной и исполнительной ветвей и состоящую из семи судей, избранных на четыре года. Расходы на работу обвинителей, общественных защитников и содержание под стражей покрываются из муниципальных фондов или на контрактной основе [44]. Места заключения функционируют на основе контрактов с округами Кинг и Сномиш, обвинение осуществляется прокуратурой г. Сиэтла, защита – по контракту с отделом общественной защиты округа Кинг. *SMC* также обеспечивает работу четырех судов для обвиняемых особых категорий: для обвиняемых с психическими заболеваниями, по делам о домашнем насилии, по делам ветеранов и суда общины⁵. Цель этих судов – помогать сообществу в целом путем минимизации расходов, повторных арестов и дальнейшей виктимизации.

Как правило, дело по мисдиминору начинается одним из четырех способов: 1) звонок в диспетчерскую отделения полиции – звонок на номер 911, по которому на место направляется полицейский (полицейские); 2) сообщение полицейского о правонарушении,

⁴ В штате Вашингтон, согласно Постановлению under RCW 71.05, недееспособный гражданин не может преследоваться по закону, так как не способен осуществлять собственную защиту. Прокурор может подать запрос на восстановление дееспособности. После передачи запроса специальному уполномоченному по кризисным ситуациям обвиняемый может оставаться под стражей не более 72 часов [36].

⁵ 9 января 2017 г. местный суд Сиэтла был распущен и заменен программой «Решения на основе потребностей» (the Needs Based Sentencing (NBS) Program). Программа успешно продолжает реализацию подходов, заложенных местным судом, расширяя спектр социальных услуг и охватывая все отделения муниципального суда Сиэтла. URL: <https://www.seattle.gov/finance/department/17adoptedbudget/documents/SMC.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

которое заносится в компьютерную диспетчерскую систему; 3) остановка транспортного средства или пешехода – задержание за нарушение ПДД и/или подозрение на вождение в нетрезвом виде и 4) сообщение о происшествии через Интернет. Остановка транспортного средства или пешехода не обязательно ведет к задержанию. Если ситуация требует дальнейших действий, подозреваемого могут арестовать для установления личности и выписать предписание о явке в суд (это выполняется Муниципальным судом Сиэтла). По закону для ареста без ордера на срок менее 48 часов требуется указать предполагаемую причину задержания. Подозреваемый помещается в тюрьму округа Кинг; далее существует несколько возможностей: освобождение под залог, отказ в освобождении под залог, задержание до предъявления обвинения, отложенное поручительство. В случае мисдиминора или крупного мисдиминора дело направляется в прокуратуру Сиэтла (далее – *SCAO*). Тяжкие преступления направляются в прокуратуру округа Кинг (далее – *КСРО*). Некоторые мисдиминоры могут также передаваться в *КСРО*, если они являются частью тяжких преступлений. Затем *SCAO* рассматривает дело и решает, какие обвинения могут быть предъявлены. *SCAO* может также отклонить дело, вынести решение о замене уголовной ответственности альтернативными видами исправительного воздействия или назначить условное наказание (в этом случае обвиняемый сначала проходит испытательный срок, по результатам которого дело может быть закрыто). Если *SCAO* открывает дело, то задержанному предъявляется обвинение и начинаются досудебные/предварительные слушания в Муниципальном суде Сиэтла (*SMC*). Обвинение должно быть предъявлено в течение 14 дней после подачи иска, кроме некоторых исключений; многие дела закрываются на этапе досудебных/предварительных слушаний.

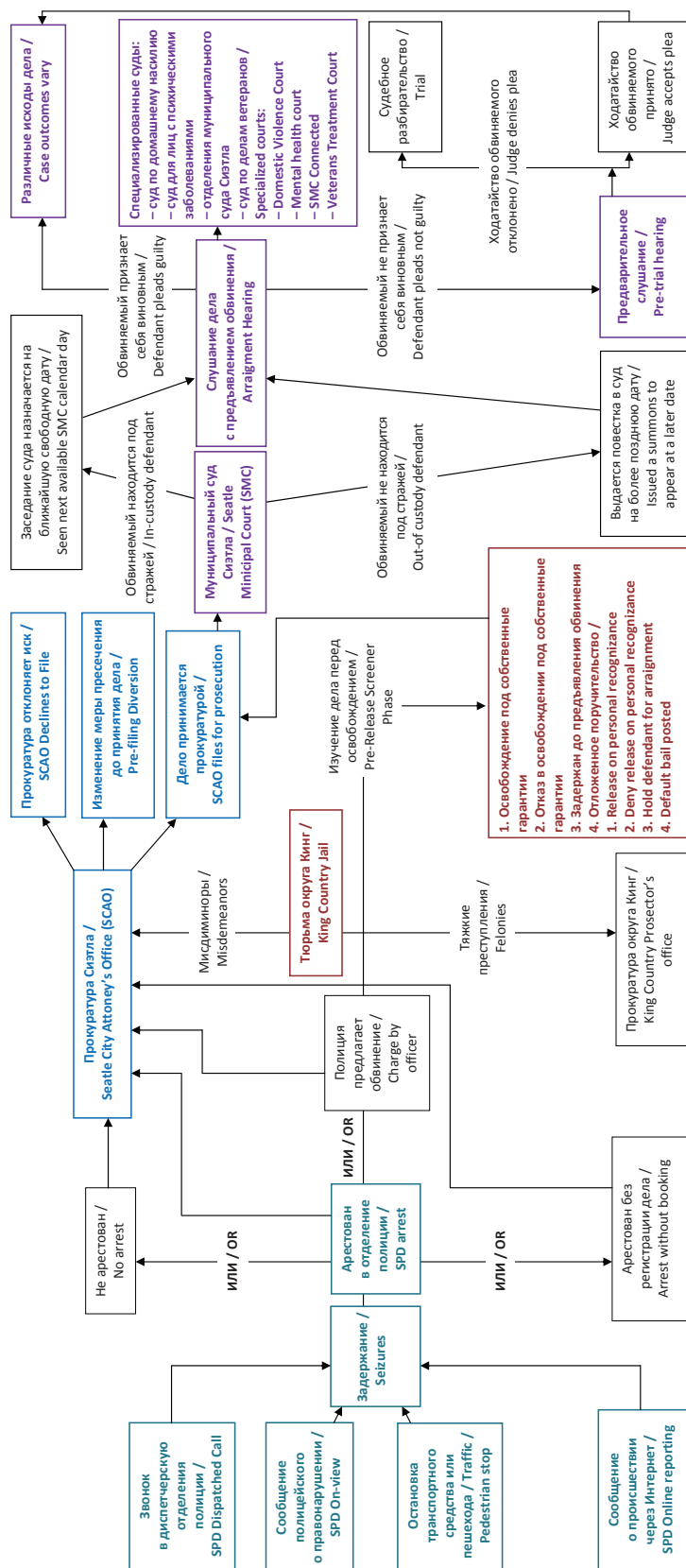
В 2017 г. прокуратура Сиэтла запустила программу *Pre-Filing Diversion*, предполагающую досудебные решения по замене уголовной ответственности альтернативными видами исправительного воздействия. Если дело не решается на этапе досудебных/предварительных слушаний, *SMC* проводит окончательные слушания, судебные разбирательства, а при необходимости и дополнительные слушания после вынесения приговора. Если дело доходит до суда, то оно разбирается либо судьей, либо жюри из шести присяжных.

Если подсудимый признается виновным, то приговор выносится либо сразу, либо после дальнейших слушаний. Если обвиняемый не является в суд, то издается повестка, а дата следующего заседания переносится, пока обвиняемый не будет вновь задержан; в процессе судопроизводства могут возникнуть и другие отсрочки и задержки. Итогом судопроизводства могут быть: приговор к наказанию, испытательный срок (при этом обвиняемому предоставляется общественный защитник и назначается слушание дела на период после прохождения испытательного срока), исправительные работы, штраф (см. рис. на стр. 359).

Меры, принимаемые при расстройстве поведения, и реформы отдела полиции Сиэтла

В течение нескольких последних десятилетий в отделах полиции были созданы и усовершенствованы меры, принимаемые при расстройствах поведения, и способы сбора данных, позволяющие идентифицировать лиц с такими расстройствами, включая психические заболевания, употребление психоактивных веществ, другие формы ограниченных возможностей и/или эмоционального расстройства [45–52]. По оценкам А. С. Watson, М. Т. Compton, J. N. Draine, 6–10 % контактов полиции с населением затрагивает лиц с психическими заболеваниями, а инциденты с применением силы с участием таких лиц уже послужили объектом исследований департаментов юстиции по всей стране. Кроме того, доля таких лиц в местах лишения свободы непропорционально велика [53], а вероятность погибнуть от рук полицейских для них в 16 раз выше [54] по сравнению с психически здоровыми гражданами.

В 1988 г. в Мемфисе, штат Теннесси, была разработана модель «Кризисного подразделения» (*The Crisis Intervention Team, CIT*), получившая название «модель Мемфиса». В настоящее время эта модель широко применяется в Соединенных Штатах для организации взаимодействия между системой уголовного судопроизводства и системой психического здравоохранения, учитывая, что зачастую именно полицейские первыми сообщают о ситуациях с участием лиц с психическими заболеваниями [50, 55–57]. Первоочередная цель *CIT* – повысить безопасность полицейских и общества, снижая число арестов лиц с психическими заболеваниями и помогая им получить медицинскую помощь. Программа *CIT* включает 40 часов подготовки, на-



Департамент полиции Сиятла / Seattle Police Department (SPD)
 Прокуратура Сиятла / Seattle City Attorney's office (SCAO)
 Муниципальный суд Сиятла / Seattle Municipal Court (SMC)
 Тюрьма округа Кинг / King County Jail

Процедура судопроизводства по мисдиминору в Сиятле The Seattle Misdemeanor Case Process

Хельфготт Ж. Б., Паркин У. С., Фишер К. Мисдиминор с участием лиц с расстройствами поведения в Сиятле...
 Helfgott J. B., Parkin W. S., Fisher Ch. Crisis-flagged Misdemeanors in Seattle: Arrests, Referrals, Charges, and Case Dispositions

правленной на выработку у полицейских понимания особенностей взаимоотношений психически больных с системой уголовного правосудия и готовности действовать так, чтобы направлять этих лиц на лечение, а не в места лишения свободы [46].

В 2011 г. Департамент юстиции США в своем докладе отметил, что отделение полиции Сиэтла, как и многих других городов, включая Альбукерке, Чикаго, Фергюсон, Портланд, Майами и Балтимор⁶, восприняло практику чрезмерного применения силовых методов, нарушая Конституцию США и федеральные законы, в том числе при аресте граждан за незначительные правонарушения, такие как распитие алкоголя в общественных местах, переход улицы в неположенном месте или мелкие кражи в магазинах; во многих таких инцидентах участвовали лица с психическими заболеваниями и/или расстройствами поведения из-за алкоголя или наркотиков. Например, в докладе Департамента юстиции говорилось о случае, когда человека с явными признаками психического расстройства (он стоял на улице с чучелом животного в руках и кричал на светофор) полицейские облили из перцового баллончика и избили. Упоминались и другие случаи, когда полицейские использовали силу к психически нездоровым лицам неадекватно ситуации, при этом не привлекая *CIT*. Согласно докладу, «непредсказуемое поведение таких лиц делает особенно важным применение методов деэскалации ситуации. Адекватная оценка необходимого объема силы – это не просто свидетельство правильно выбранных методов, это обязательное требование. Полицейские должны учитывать психическое состояние человека при определении необходимости применения силы» [58, p. 10]⁷.

⁶ Полный список городов и округов, в которых были проведены реформы полиции в аспекте гражданских прав. URL: <https://www.justice.gov/crt/page/file/922456/download> (дата обращения: 01.08.2019).

⁷ Сиэтл не согласился с результатами, представленными Департаментом юстиции, и заключил соглашение, включающее Постановление о согласии и Меморандум о взаимопонимании. Постановление о согласии – это соглашение между Департаментом юстиции и г. Сиэтлом, направленное на прекращение неконституционной политики. Меморандум о взаимопонимании направлен на создание Комиссии по гражданской политике (CPC) и Комитета по реагированию в кризисных ситуациях. В Меморандуме обозначены необходимые условия работы Комитета, а именно представительство отдела полиции Сиэтла,

В отделе полиции Сиэтла уже долгое время разрабатываются и внедряются инновационные практики, касающиеся действий в кризисной ситуации [59–61]. Так, в 1998 г. было создано подразделение по реагированию в кризисных ситуациях (*Crisis Response Unit*), а в 2010 г. запущена пилотная программа *Crisis Response Team* («Группа реагирования на кризисную ситуацию»), в рамках которой члены подразделения по работе в кризисных ситуациях сотрудничают с профессионалами в области психического здоровья; программа охватывает вопросы оценки кризисного состояния, методов вмешательства и использования различных ресурсов для помощи лицам с расстройствами поведения [62]. Однако в докладе Департамента юстиции указывалось на необходимость конкретных преобразований в области существующих подходов и практик отделов полиции. Выполняя эти рекомендации, отдел полиции Сиэтла ввел Политику вмешательства в кризисной ситуации (*Crisis Intervention Policy*) [63], которая описывает возможности полицейских при работе с лицами с расстройствами поведения. Эти меры и их результаты описываются в ежегодных отчетах отдела полиции Сиэтла, публикуемых с 2015 г.⁸ Политика устанавливает правила вмешательства, включая вопросы его прозрачности, подотчетности и сбора данных о таких инцидентах по определенному регламенту. Использование такого регламента позволило систематически фиксировать все инциденты с расстройствами поведения.

подразделений *CIT*, образовательных организаций, городской администрации, прокуратуры округа Кинг, муниципального суда округа Кинг, прокуратуры Сиэтла, офиса шерифа округа Кинг, отдела психического здоровья и реабилитации Департамента социального обеспечения и здравоохранения штата Вашингтон, Национального альянса по проблемам психического здоровья, городского центра по чрезвычайным ситуациям, специалистов скорой медицинской помощи, адвокатов и др. В обязанности Комитета входит организация межведомственного взаимодействия и сбора данных по кризисным инцидентам. Согласно Меморандуму, Комитет должен определить регламент действий в кризисной ситуации, разработать подходы и процедуры для судопроизводства по таким инцидентам, а также оценивать качество подготовки диспетчеров и полицейских для работы в кризисных ситуациях (*Memorandum of Understanding between the United States and the City of Seattle, July 27, 2012*).

⁸ Отдел полиции Сиэтла ежегодно отчитывается по работе программы *CIT* с 2015 г. URL: <https://www.seattle.gov/police/about-us/crisis-response-team> (дата обращения: 01.08.2019).

Федеральные контролирующие органы установили, что меры отдела полиции Сиэтла по работе в кризисных ситуациях соответствуют требованиям, принятым Департаментом юстиции США в 2016 г. [64]. Особое одобрение получил тот факт, что в результате проведенного обучения сотрудников отдела полиции Сиэтла всего менее 2 % инцидентов с психически нездоровыми людьми повлекли за собой применение силы, а из всех случаев кризисных ситуаций только 32 потребовали применения второго типа воздействия (перцовый спрей) и только два – третьего типа воздействия (телесные повреждения или смерть). В 2018 г. отдел полиции Сиэтла добился «полного и эффективного соответствия» с требованиями постановления Департамента юстиции [65], и Меррик Боб, возглавлявший федеральный контролирующий орган, отметил: «Мы видим реальные, ощутимые и объективные изменения в том, как полиция Сиэтла работает с людьми, испытывающими кризис, – сочувственно и со стремлением помочь» [66].

В отчете программы вмешательства в кризисной ситуации отдела полиции Сиэтла за период с 1 января 2017 г. по 30 июня 2018 г. показано, что с 2016 по 2017 гг. количество контактов полиции с гражданами в состоянии поведенческого расстройства возросло на 9 %, а в течение первых шести месяцев 2018 г. – еще на 20 % по сравнению с таким же периодом 2017 г. Из 15 995 таких контактов 1,7 % случаев включали применение силы (277 инцидентов из общего числа 557 зарегистрированных случаев применения силы). В течение периода сбора данных в диспетчерскую поступило 638 984 звонка, из которых 14 199 (2,2 %) закончились регистрацией по крайней мере одного контакта с лицами в состоянии поведенческого расстройства, при этом почти в 80 % этих случаев участвовал полицейский, сертифицированный по программе CIT, а в 48,75 % случаев такой полицейский был главным участником контакта. Что касается рассмотрения дела по существу, то, согласно отчету, с 2016 по 2017 гг. произошло на 5,3 % больше задержаний на месте, а в 2018 г. это число возросло на 32,9 %. С 2016 по 2017 гг. количество арестов возросло на 24,1 %, а в течение первых шести месяцев 2018 г. – еще на 30,1 %. Количество дел с участием граждан с поведенческими расстройствами, переданных в судебные органы, возросло на 103 % в течение первых шести месяцев 2018 г. по сравнению с 2017 г. [67].

Суд для лиц с психическими заболеваниями и выведение граждан с поведенческими расстройствами из системы уголовного правосудия в Сиэтле

Сиэтл имеет долгую историю внедрения местных инициатив как до, так и после постановления Департамента юстиции. В области подходов к мисдиминарам Сиэтл относится к категории «средней стабильности» [68]⁹. Это положение достигнуто благодаря работе по внедрению с 1990-х гг. альтернативных программ по обеспечению гражданских прав и социальных вопросов политики «качества жизни», показавшей непропорционально негативный эффект в отношении цветных и уязвимых групп населения.

Суд для лиц с психическими заболеваниями

Суды для лиц с психическими заболеваниями были организованы на общенациональном уровне для обеспечения механизма освобождения системы уголовного правосудия от бремени, наложенного на нее после деинституализации лиц с психическими заболеваниями и для предоставления соответствующей помощи и ресурсов таким лицам и лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами [69]. Суд Сиэтла для лиц с психическими заболеваниями был четвертым таким судом в стране и первым, вошедшим в муниципальную судебную систему, за которым последовал такой же суд в округе Кинг штата Вашингтон. Эти суды были образованы в результате действий особой рабочей группы в ответ на инцидент 1997 г., когда пожарный в Сиэтле был зарезан психически больным мужчиной, выпущенным из тюрьмы. Задача такого суда – объединить усилия судьи, прокурора, защитника, социальных работников и прошедших специальную подготовку полицейских для обеспечения

⁹ С помощью метода моделирования групповой траектории было проведено лонгитюдное исследование уровня задержаний за незначительные правонарушения в период 1990–2013 гг. в 105 отделах полиции в Соединенных Штатах, включая Сиэтл. Обнаружились различные подходы к задержаниям за мисдиминары. Отделы полиции были распределены по категориям «Высокий уровень роста», «Средний уровень роста», «Средний устойчивый рост», «Низкий устойчивый рост» по количеству задержаний за правонарушения, связанные с уровнем жизни. Сиэтл был определен в категорию «Средний устойчивый рост», поскольку в нем количество задержаний за мисдиминары увеличилось менее чем вдвое за период 1990–2013 гг.

помощи подсудимому и общественной безопасности. Если обвиняемый попадает под действие этого суда, он должен дать согласие на надзор в рамках программы лечения и содержания [70].

**Выведение граждан из системы
уголовного правосудия на уровне
правоохранительных органов
(Law Enforcement Assisted Diversion, LEAD)**

Программа LEAD действует в гг. Сиэтле и Скайвей, округ Кинг [71]. Программа позволяет полицейским перенаправлять лиц, задержанных за мелкие правонарушения, связанные с наркотиками и проституцией, в социальные службы вместо тюрьмы и суда. В рамках программы сотрудничают прокуратура округа Кинг, прокуратура Сиэтла, отдел полиции Сиэтла, офис шерифа округа Кинг, исполнительные органы округа Кинг, администрация мэра, Департамент исправительных учреждений штата Вашингтон, Ассоциация адвокатов, отделение Американского союза защиты гражданских свобод штата Вашингтон, представители общественности. LEAD финансируется из множества частных фондов¹⁰. Изучение результатов программы свидетельствует о значительном повышении уровня компетентности ее участников. Кроме того, исследование показало, что получение жилья снижает уровень арестов на 17 %, а получение работы – на 33 % [72, 73].

**Программа «Вмешательство закона
и сеть помощи» (Legal Intervention
and Network of Care, LINC)**

Данная программа предоставляет услуги лицам с психическими заболеваниями, совершившим мисдиминор. LINC обеспечивает лечение совершеннолетним, употребляющим психоактивные вещества и имеющим психические заболевания, попавшим в тюрьму за мисдиминор или преступление безотягчающих обстоятельств. Направление на программу осуществляет прокуратура с согласия обвиняемого. Предусмотрены как однократные, так и долгосрочные схемы помощи через социальные службы. Для уча-

ствия в программе не требуется наличие медицинской страховки Medicaid. Программа финансируется за счет Службы судебной психиатрии штата Вашингтон и гранта Trueblood Phase I из фонда Сиэтла от имени надзорных органов федерального суда Trueblood et al. и отдела социальной службы и здравоохранения штата Вашингтон [74].

Эти альтернативы стандартной судебной процедуре дают возможность нуждающимся получить помощь психиатрических служб. Исследования эффективности подобных программ показали многообещающие результаты в виде значительного снижения рецидивизма [75, 76]. С другой стороны, ситуации, когда психически нездоровые люди освобождаются от ответственности и не получают соответствующего лечения, представляют угрозу общественной безопасности.

Сиэтл уникален тем, что городской отдел полиции непрерывно внедряет программы по работе с мисдиминорами, такие как пилотная «Программа реагирования на расстройства поведения совместно с психиатрами» [62], «Выведение граждан из системы уголовного правосудия на уровне правоохранительных органов» (LEAD) [72, 73], планы работы с местным населением (MCPD) [77], суд для лиц с психическими заболеваниями и программа «Вмешательство закона и сеть помощи» (LINC). Эти меры во многом противоречат принципу «нулевой терпимости». Изучение ситуации с арестами, передачей дел в суд и вынесением судебных решений в Сиэтле в контексте вышеуказанных местных инициатив и в сравнении с другими юрисдикциями позволит оценить данные подходы и влияние различных факторов на принятые решения.

Настоящее исследование

Лица с психическими заболеваниями, употребляющие алкоголь и наркотики, малоимущие и бездомные составляют категорию, наиболее подверженную арестам за незначительные правонарушения – нарушения общественного порядка, употребление наркотиков в общественных местах, бродяжничество – в основном по причине своих жизненных условий и преимущественного нахождения вне дома. Эти условия могут проявиться в форме поведенческого расстройства, привлекая внимание правоохранительных органов. До сих пор недостаточно изучен вопрос, какая доля мисдиминоров совершается с участием лиц

¹⁰ Финансирование LEAD осуществляют фонды: Ford Foundation, Open Society Foundations, Vital Projects Fund, RiverStyx Foundation, Massena Foundation, Trueblood Phase III Grant, King County Mental Illness and Drug Dependency (MIDD) Foundation и The Social Justice Fund Northwest.

с расстройствами поведения и как эти лица проходят процедуру уголовного судопроизводства.

Количественные показатели и природа мисдиминоров в состоянии поведенческого расстройства до сих пор мало исследовались. Одна из работ, посвященная изучению мисдиминоров и психических расстройств в Бронксе, районе Нью-Йорка, показала, что в 23 % дел по незначительным правонарушениям, претендующих на участие в специальной программе по вынесению альтернативного приговора, имели отметку о возможной необходимости психиатрической помощи [78]. Анализ случаев мисдиминора в Сиэтле показывает, что в момент контакта с полицией 5,4 % лиц находились в состоянии поведенческого расстройства [77]. Однако систематических или эмпирических исследований в этой области нет. Для целей формирования политики и практических мер в данной области необходимо изучить как процентный состав мисдиминоров, совершенных в состоянии поведенческого расстройства, так и демографические характеристики и природу таких инцидентов.

В настоящем исследовании применяется квазиэкспериментальный метод, состоящий в сравнении данных по арестам, приговорам и процедурам по делам с мисдиминорами в Сиэтле в 2016–2018 гг. с участием лиц с расстройствами поведения и аналогичной выборки мисдиминоров без таких расстройств. Цель нашей работы – изучить отличие судебных процедур по делам с мисдиминорами в отношении лиц с расстройствами поведения от таковых в отношении лиц без расстройств поведения. В работе ставились следующие вопросы: каков процент мисдиминоров с участием лиц с различными расстройствами поведения, такими как психические заболевания, зависимости и др.? Каков самый частый тип правонарушения, совершаемый лицами с расстройствами поведения? Каким образом лица с расстройствами поведения проходят через процедуру уголовного правосудия? Эти вопросы исследуются на примере судебных дел с мисдиминором в г. Сиэтле.

Понимание процедуры прохождения лиц с расстройствами поведения через систему уголовного правосудия в случае мисдиминора имеет большое значение для решения других поставленных вопросов. Эта информация может помочь сбалансировать нужды и права таких лиц с интересами общественной безопасности.

Методика исследования

Выборка и данные

В настоящем исследовании использовались данные из трех независимых источников, а именно базы данных отдела полиции Сиэтла, прокуратуры Сиэтла и муниципального суда Сиэтла. Эти базы ведутся соответствующими организациями для своих административных целей. Мы использовали данные отдела полиции для выявления интересующих нас групп населения, т. е. тех, кто был впервые арестован за мисдиминор в течение 2016 г. Среди них были выделены две категории арестованных – с зарегистрированным во время ареста расстройством поведения и без такового.

Выборка лиц с расстройством поведения при аресте составила 505 человек, из них 69,5 % мужчин и 30,5 % женщин. Расовый/этнический состав был следующим: 61,4 % белых, 29,1 % черных, 5,3 % азиатов, 2,6 % неизвестного происхождения, 1,6 % коренных американцев. В выборке лиц без расстройств поведения при аресте было 1 055 человек, из них 78,4 % мужчин и 21,6 % женщин. Расовый/этнический состав этой выборки был следующим: 55,8 % белых, 30,2 % черных, 6,5 % азиатов, 4,5 % неизвестного происхождения, 2,9 % коренных американцев (табл. 1).

Появление в базе данных за 2016 г. означает, что арест произошел между 1 января и 31 декабря 2016 г. Выбор этой базы данных гарантирует, что с момента правонарушения прошло как минимум два года и дело прошло по всем этапам судебной системы. Кроме того, это позволяет охватить данные по предыдущим и последующим арестам. В данную базу входят только случаи, когда мисдиминор совершен впервые. Например, если гражданин был впервые арестован за мисдиминор в 2015 г., а в 2016 г. был также арестован за мисдиминор, то он не войдет в нашу выборку. Далее выборка была разделена на две категории – те, у которых при аресте были отмечены расстройства поведения, и те, у которых нет такой отметки в деле. Затем вся первая группа вошла в базу исследования ($n = 505$), а из второй категории было случайным образом отобрано примерно 10 % случаев ($n = 1 055$) в качестве контрольной группы. Далее для всех лиц из первой группы была отобрана соответствующая информация из баз данных городской прокуратуры и суда и присвоены уникальные идентификационные коды, состоящие из номера дела и фамилии арестованного.

Таблица 1

Демографические показатели лиц с расстройствами поведения и без таковых, совершивших мисдиминор, в различных базах данных

Table 1. Individuals Involved in Crisis-Flagged and Non-Crisis-Flagged Cases Demographics across Administrative Data Sources

Показатель / Indicator		Задержание / Police Arrested		Передача в прокуратуру / Referrals to City Attorney		Предъявление обвинения прокуратурой / Filed by City Attorney		Суд / Court Cases	
		С расстройствами поведения n = 505 / Crisis	Без расстройств поведения n = 1 055 / Non-Crisis	С расстройствами поведения n = 479 / Crisis	Без расстройств поведения n = 973 / Non-Crisis	С расстройствами поведения n = 395 / Crisis	Без расстройств поведения n = 779 / Non-Crisis	С расстройствами поведения n = 394 / Crisis	Без расстройств поведения n = 777 / Non-Crisis
Пол ^a / Sex ^a	Женщины / Female	30,5 %	21,6 %***	30,5 %	21,7 %***	28,9 %	20,4 %**	29,2 %	20,7 %**
	Мужчины / Male	69,5 %	78,4 %	69,5 %	78,3 %	71,1 %	79,6 %	70,8 %	79,3 %
Раса ^a / Race ^a	Азиаты / Asian	5,3 %	6,5 %+	5,2 %	7,2 %*	4,8 %	7,2 %**	5,3 %	6,9 %**
	Черные / Black	29,1 %	30,2 %	29,6 %	28,7 %	30,9 %	28,1 %	31,0 %	27,9 %
	Коренные американцы / Indigenous	1,6 %	2,9 %	1,3 %	3,1 %	1,3 %	3,3 %	1,5 %	2,6 %
	Белые / White	61,4 %	55,8 %	60,5 %	55,6 %	61,0 %	56,0 %	61,2 %	57,9 %
	Неизвестного происхождения / Unknown	2,6 %	4,5 %	3,3 %	5,4 %	2,0 %	5,4 %	1,0 %	4,6 %
Возраст ^b / Age ^b	В среднем / Average	36,7	35,9	36,6	35,9	36,8	35,7	36,8	35,8

+ < 0,10; * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001;

^a хи-квадрат / chi-square;

^b критерий Стьюдента / t-test.

Хотя один человек мог участвовать в нескольких делах, а в одном деле могло быть несколько арестованных, единицей нашего анализа являлось одно лицо в одном деле. Например, если три человека одновременно пересекли границы частных владений и были задержаны полицией, то они будут фигурировать в одном деле о мисдиминоре. Однако для нашего исследования они будут зафиксированы по отдельности. Если один человек в течение 2016 г. три раза был задержан за разные мисдиминоры, то для целей нашего исследования он будет сосчитан трижды. Важно, что нарушения, связанные с первоначальным, присоединяются к нему. Например, если гражданин не явился на судебное заседание и на него выписан ордер, то это правонарушение будет присоединено к первоначальному. Хотя в полицейской базе данных это будут две отдельные записи, для нас они представляют

собой одно дело. Выделенная группа из 505 человек составляет 4,6 % всех лиц, впервые арестованных за мисдиминор в 2016 г. (N = 11 067).

Из всех трех баз данных была выделена информация по демографическим показателям: полу (мужской, женский), расе (азиаты, черные, коренные, белые, неизвестного происхождения), возрасту в момент ареста (18–73 лет). Это значение возраста использовалось затем для всех стадий судебного процесса.

Дополнительно из полицейской базы данных бралась информация о типе первого правонарушения, приведшего к аресту, о приговоре за это правонарушение, об общем количестве вынесенных судебных приговоров и о количестве арестов. Учитывались данные только о первом задержании за один тип правонарушения, независимо оттого, был ли гражданин задержан, арестован или ему была выписана повестка

в суд. Если гражданин задерживался несколько раз за одно правонарушение, включая арест за неявку в суд, то такие случаи учитывались только один раз. Мы также учитывали количество обвинений за мисдиминор отдельно по типу первого правонарушения и общее количество обвинений, а также количество арестов за правонарушение каждого типа. Кроме того, база данных полиции позволила узнать, сколько раз гражданин был задержан до и после того ареста, которое выбрано ключевым для нашего исследования. Мы определяли количество арестов за новое правонарушение в течение одного, трех и шести месяцев, одного года и двух лет до и после ключевого ареста. Важно, что повторные аресты за одно и то же правонарушение не учитывались, как в случае с неявкой в суд.

Многие переменные из базы данных городской прокуратуры, особенно касающиеся обвинений, были сгруппированы и представлены двумя способами. Первый способ – учитывать только более серьезное обвинение. Обвинения классифицировались по степени тяжести следующим образом, от наиболее до наименее серьезного: преступления против личности; имущественные преступления; связанные с транспортными средствами; связанные с оружием, нарушением границ частных владений, проституцией; нарушения общественного порядка; другое. Например, если гражданин обвинялся одновременно в нарушении границ частных владений и нападении, то учитывалось только нападение как более серьезное обвинение. Кроме установления категории преступления, группировка данных позволила определить общее количество выдвинутых обвинений. Для этого учитывалось общее количество переданных в суд дел и предъявленных обвинений по всем категориям. Это позволяет представить распределение самых серьезных обвинений в зависимости от типа правонарушений по данным городской прокуратуры, а также дает информацию об общем количестве переданных в суд дел и предъявленных обвинений по каждому человеку и по типу правонарушения. Кроме того, для каждого обвиняемого учитывалась разность между количеством переданных в суд дел и количеством предъявленных обвинений, что позволило определить, было ли количество предъявленных обвинений по каждому типу правонарушений больше или меньше, чем количество переданных в суд дел. В практике штата Вашингтон полиция предлагает формулировку

обвинения, а прокуратура выносит окончательное решение о передаче дела в суд и предъявлении обвинения. Поэтому для целей настоящего исследования правильнее опираться на данные прокуратуры, так как они отражают реальную ситуацию с предъявлением обвинения. Также учитывалась следующая информация: количество дней между передачей дела в суд и окончанием дела, тип дела (уголовное и не связанное с дорожным движением, уголовное и связанное с дорожным движением, связанное с домашним насилием), взятие с поличным (да, нет), рассмотрение дела по предъявленному обвинению (принято решение, отклонено, другое). Кроме того, указывались рассмотрение дела по самому серьезному из предъявленных обвинений (обвинение отклонено, признан виновным, признал себя виновным, другое, ничего из перечисленного), а также количество обвинений, попадающих в вышеупомянутые категории по исходам.

Наконец, база данных городского суда дает переменные, касающиеся предъявленных в суде обвинений и рассмотрения дел по существу. Во-первых, учитывалось количество обвинительных и оправдательных приговоров, вынесенных по признаниям подсудимых или по результатам судебного расследования. Учитывались также такие параметры, как тип правонарушения (уголовное, дорожно-транспортное), вид правонарушения (домашнее насилие, вождение в нетрезвом виде, другое), был ли обвиняемый задержан или вызван в суд повесткой. Из базы данных городского суда брались также такие сведения, относящиеся к расстройству поведения, как: проходил ли ранее обвиняемый по делу в суде для лиц с психическими заболеваниями (да, нет), была ли оспорена дееспособность обвиняемого (да, нет). Еще одна переменная показывала количество раз, когда рассмотрение дела по существу менялось по разным причинам (обвинение не предъявлено, иск отклонен без права предъявления иска по тому же основанию, иск отклонен с правом предъявления иска по тому же основанию, дополнительные свидетельства, отсрочка рассмотрения дела, отсрочка исполнения приговора, другое). В случае отклонения иска указывались причины этого (согласованное сторонами признание вины, недееспособность, недостаточность доказательств, отсутствие свидетелей, другое). Наконец, учитывалось общее количество повесток по каждому делу и количество повесток, закрытых по разным причинам (обвиняемый задержан,

повестка отменена, обвиняемый отпущен под залог, повестка аннулирована, обвиняемый отпущен под собственную гарантию).

Стратегия анализа

На основе собранных данных анализировались характеристики лиц с расстройствами поведения и без таковых, вовлеченных в дела о мисдиминоре, особенности их задержаний, обвинений и рассмотрения дел по существу. Параметры судебных процедур, такие как количество зарегистрированных исков, сравнивались по средневзвешенным значениям, чтобы определить статистически значимую разницу между двумя группами. Поскольку основная изучаемая переменная является дихотомической, были проведены тесты по критерию Стьюдента, а также найдены средние значения для каждой группы. Нечисленные данные, такие как раса, пол, тип приговора, анализировались для определения статистически значимой зависимости между двумя переменными. В этом случае вычислялись показатели X^2 , а также показатели распределения по двум переменным. Такой анализ дает бивариантную информацию о наличии статистически значимых различий между лицами с расстройствами поведения и без таковых, задержанными за мисдиминор.

Результаты

В табл. 1 представлена демографическая информация на лиц, фигурирующих в объединенной базе данных на четырех этапах прохождения дела: арест, передача дела обвинителю, предъявление обвинения и рассмотрение дела в суде. Когда показатель хи-квадрат был значимым и обе переменные дихотомические, вычислялся размер эффекта (*Cramer's V*). Для остальных значимых хи-квадратов вычислялся показатель *Phi*, а для значимых средневзвешенных значений – показатель *Cohen's d* для отражения размера эффекта. Показатели хи-квадрат вычислялись для пола и расы лиц с расстройствами поведения и без таковых. Статистически значимая зависимость была выявлена для пола лиц с расстройствами поведения и без таковых в ситуациях ареста ($X^2(1, N = 1560) = 14,50, p < 0,001, \phi = -0,10$), передачи дела обвинителю ($X^2(1, N = 1452) = 13,27, p < 0,001, \phi = -0,10$), предъявления обвинения ($X^2(1, N = 1174) = 10,60, p = 0,001, \phi = -0,10$) и рассмотрения дела в суде ($X^2(1, N = 1171) = 10,33, p = 0,001, \phi = -0,10$). Во всех случаях женщины

составляли больший процент лиц с расстройствами поведения, чем без таковых. Иными словами, женщины, задержанные за мисдиминор, чаще получали в своем деле отметку о состоянии поведенческого расстройства, чем мужчины. Примечательно также, что, хотя различия между этими процентами невелики для всех четырех этапов прохождения дела, распределение в основном единообразно. Отношение расы к состоянию поведенческого расстройства было статистически значимым только для ситуаций передачи дела обвинителю ($X^2(4, N = 1452) = 10,53, p = 0,032, \text{Cramer's } V = 0,09$), предъявления обвинения ($X^2(4, N = 1174) = 15,52, p = 0,004, \text{Cramer's } V = 0,12$) и рассмотрения дела в суде ($X^2(4, N = 1171) = 13,69, p = 0,008, \text{Cramer's } V = 0,11$). Единообразно для всех этих трех ситуаций меньший процент среди лиц с расстройствами поведения составляли азиаты, коренные американцы и лица неизвестного происхождения, тогда как процент черных и белых был выше. Это означает, что, по сравнению со средними значениями, на трех этапах судебного процесса черные и белые, задержанные за мисдиминор, чаще были отмечены как лица с расстройствами поведения, чем представители других рас. Наконец, значимых различий по возрасту задержанных лиц с расстройствами поведения и без таковых не было выявлено (табл. 2).

В табл. 2 показаны результаты по данным арестов. При первом задержании за конкретное правонарушение лица с расстройствами поведения чаще подвергались аресту, чем выписке предписания или повестки по сравнению с лицами без таких расстройств ($X^2(3, N = 1560) = 64,73, p < 0,001, \text{Cramer's } V = 0,20$). А именно лица с расстройствами поведения арестовывались на 16,8 % чаще, чем лица без таких расстройств. Что касается среднего числа арестов, то было выявлено статистически значимое различие среднего числа арестов за мисдиминор относительно первого ареста ($t(809) = -4,19, p < 0,001, d = 0,24$), а также общего числа обвинений относительно одного правонарушения ($t(707) = -6,73, p < 0,001, d = 0,39$). По обоим критериям у лиц с расстройствами поведения было в среднем большее число обвинений. Кроме того, у таких лиц среднее количество арестов на одно правонарушение было выше, чем у лиц без расстройств ($t(686) = -5,48, p < 0,001, d = 0,32$). Другими словами, лица с расстройствами поведения в среднем задерживались чаще в расчете на одно правонарушение,

Таблица 2

Данные полиции по количеству задержаний лиц с расстройствами поведения и без таковых

Table 2. Police Offense Arrest Data for Crisis and Non-Crisis Suspects

Показатель / Indicator		С расстройствами поведения $n = 505$ / Crisis	Без расстройств поведения $n = 1\ 055$ / Non-Crisis
Тип задержания при первом правонарушении ^a / First Offense Arrest Type ^a	Арест / Arrested	90,3 %	73,5 %***
	Предписание / Citation	1,8 %	9,8 %
	Повестка / Summons	7,1 %	16,3 %
	Другой отдел полиции / Outside Agency	0,8 %	0,5 %
Обвинение при первом правонарушении ^b / First Offense Arrest Charges ^b	Среднее количество мисдиминоров / Average Misdemeanor Count	1,44	1,26***
	Среднее количество тяжких преступлений / Average Felony Count	0,08	0,09
Обвинения по всем задержаниям ^b / All Offense Arrest Charges ^b	Среднее количество мисдиминоров / Average Misdemeanor Count	1,95	1,49***
	Среднее количество тяжких преступлений / Average Felony Count	0,09	0,10
Количество задержаний на одно правонарушение ^b / All Arrests per Offense ^b	В среднем / Average Arrest Count	1,48	1,22***

+ < 0,10; * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001;

^a хи-квадрат / chi-square;

^b критерий Стьюдента / *t*-test.

и представители правоохранительных органов чаще выбирали обвинения, характерные для мисдиминора. При этом не выявлено значимых различий в среднем количестве обвинений за тяжкие преступления для лиц с расстройствами поведения и без таковых как по первому задержанию за конкретное правонарушение, так и суммарно по всем правонарушениям.

Сведения из базы данных городской прокуратуры представлены в двух таблицах: информация о делах, переданных из отдела полиции в прокуратуру (табл. 3), и о делах, переданных в суд прокуратурой (табл. 4).

Разница в среднем количестве дел, переданных в прокуратуру, на лиц с расстройствами поведения и без таковых оказалась незначимой. Усредненная разница в количестве дней между передачей дела в прокуратуру и предварительным решением по делу была значимой ($t(1\ 376) = 9,05, p < 0,001, d = 0,47$), при этом решение по делу с участием лиц с расстройствами поведения принималось

в среднем в течение 18 дней, а по делу без участия таких лиц – в течение 55,5 дня. Кроме того, результаты проверки по хи-квадратам были значимыми для типа дела ($X^2(2, N = 1\ 452) = 59,95, p < 0,001, Cramer's V = 0,20$), факта регистрации обвиняемого ($X^2(1, N = 1\ 452) = 68,34, p < 0,001, \phi = 0,22$) и самого серьезного обвинения ($X^2(7, N = 1\ 452) = 161,32, p < 0,001, Cramer's V = 0,33$). Не обнаружилось значимых различий в распределении принятых к рассмотрению и отклоненных дел в зависимости от участия лиц с расстройствами поведения. Что касается типов дел, то лица с расстройствами поведения чаще участвовали в уголовных делах, не связанных с дорожным движением, и реже в уголовных делах, связанных с дорожным движением, чем лица без расстройств поведения. Аналогичным образом, лица с расстройствами поведения гораздо чаще арестовывались при передаче дел в городскую прокуратуру. Наконец, самым серьезным из предъявленных обвинений для лиц с расстройствами поведения чаще были преступления

Таблица 3

Дела по мисдиминорам, переданные в прокуратуру
Table 3. Suspect Referred Misdemeanor Charges to City Attorney

Показатель / Indicator		С расстройствами поведения n = 479 / Crisis	Без расстройств поведения n = 973 / Non-Crisis
Всего дел передано ^b / Total Referred ^b	В среднем / Average	1,3	1,3
Дней между передачей и принятием дела ^b / Days between Referral & Dispositio ^b	В среднем / Average	19,0	55,5***
Тип дела ^a / Referral Case Type ^a	Уголовное и не связанное с дорожным движением / Criminal Non-Traffic	75,8 %	59,5 %***
	Уголовное и связанное с дорожным движением / Criminal Traffic	3,5 %	16,9 %
	Домашнее насилие / Domestic Violence Related	20,7 %	23,6 %
Обвиняемый арестован ^a / Referral Booked ^a	Да / Yes	91,9 %	73,2 %***
	Нет / No	8,1 %	26,8 %
Категория самого серьезного обвинения ^a / Top Referral Category ^a	Против личности / Person	58,7 %	41,6 %***
	Имущественное / Property & Theft Related	14,8 %	26,4 %
	Дорожно-транспортное / Vehicle & Driving-Related	3,8 %	17,5 %
	Оружие / Weapon	3,5 %	1,4 %
	Нарушение границ владений / Trespassing	15,4 %	5,0 %
	Проституция / Prostitution	0,0 %	4,4 %
	Нарушения общественного порядка / Public Order	2,9 %	1,4 %
	Другое / Other	0,8 %	2,2 %
Среднее количество по категориям ^b / Referral Category Count Average ^b	Против личности / Person	0,65	0,47***
	Имущественное / Property & Theft Related	0,24	0,33**
	Дорожно-транспортное / Vehicle & Driving-Related	0,05	0,23***
	Оружие / Weapon	0,06	0,04+
	Нарушение границ владений / Trespassing	0,21	0,11***
	Проституция / Prostitution	0,00	0,04***
	Нарушения общественного порядка / Public Order	0,06	0,04+
	Другое / Other	0,04	0,04
Результат передачи дела ^a / Referral Case Disposition ^a	Принято / Filed	82,3 %	80,0 %
	Отклонено / Declined	16,3 %	17,9 %
	Другое / Other	1,5 %	2,2 %

+ < 0,10; * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001;

^a хи-квадрат / chi-square;

^b критерий Стьюдента / t-test.

Таблица 4

Дела по мисдиминорам, по которым прокуратура вынесла предварительное решение

Table 4. Suspect Filed Misdemeanor Charges by City Attorney

Показатель / Indicator		С расстройствами поведения n = 395 / Crisis	Без расстройств поведения n = 779 / Non-Crisis
Всего ^b / Total Charged ^b	В среднем / Average	1,6	1,5*
Дней между передачей дела и вынесением предварительного решения по делу ^b / Days between Referral & Disposition ^b	В среднем / Average	13,4	53,9***
Тип дела ^a / Charged Case Type ^a	Уголовное и не связанное с дорожным движением / Criminal Non-Traffic	79,5 %	58,5 %***
	Уголовное и связанное с дорожным движением / Criminal Traffic	4,1 %	19,6 %
	Домашнее насилие / Domestic Violence Related	16,5 %	21,6 %
Обвиняемый арестован ^a / Booked ^a	Да / Yes	91,9 %	68,3 %***
	Нет / No	8,1 %	31,7 %
Категория самого серьезного обвинения ^a / Top Charge Category ^a	Против личности / Person	57,7 %	39,7 %***
	Имущественное / Property & Theft Related	13,7 %	21,7 %
	Дорожно-транспортное / Vehicle & Driving-Related	4,3 %	19,9 %
	Оружие / Weapon	3,8 %	1,7 %
	Нарушение границ владений / Trespassing	16,2 %	3,9 %
	Проституция / Prostitution	0,0 %	5,3 %
	Нарушения общественного порядка / Public Order	3,5 %	1,0 %
	Другое / Other	0,8 %	1,5 %
Среднее количество по категориям ^b / Charge Category Count Average ^b	Против личности / Person	0,81	0,52***
	Имущественное / Property & Theft Related	0,27	0,36*
	Дорожно-транспортное / Vehicle & Driving-Related	0,07	0,30***
	Оружие / Weapon	0,07	0,04+
	Нарушение границ владений / Trespassing	0,23	0,11***
	Проституция / Prostitution	0,00	0,05***
	Нарушения общественного порядка / Public Order	0,08	0,04+
	Другое / Other	0,04	0,04
Решение по самому серьезному обвинению ^a / Top Charge Disposition ^a	Отклонено / Dismissed	54,2 %	34,5 %***
	Признан виновным / Found Guilty	0,5 %	1,0 %
	Признал свою вину / Pled Guilty	28,6 %	34,9 %
	Другое / Other	8,1 %	11,0 %
	Ничего из перечисленного / None	8,6 %	18,5 %
Среднее количество предварительных решений ^b / Charge Disposition Count Average ^b	Отклонено / Dismissed	0,84	0,52***
	Признан виновным / Found Guilty	0,01	0,01
	Признал свою вину / Pled Guilty	0,46	0,49
	Другое / Other	0,12	0,15

+ < 0,10; * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001;

^a хи-квадрат / chi-square;

^b критерий Стьюдента / t-test.

против личности, связанные с оружием, нарушениями границ владений и общественного порядка, а реже – имущественные преступления, дорожно-транспортные нарушения, проституция и другие.

Для мисдиминоров, по которым началось рассмотрение в суде, ситуация аналогична. А именно по критерию Стьюдента средняя разница была значимой для общего количества начатых дел ($t(714) = -2,26, p = 0,019, d = 0,14$), количества дней между передачей дела и вынесением решения о начале судебной процедуры ($t(1172) = 9,88, p < 0,001, d = 0,55$), а также для среднего количества обвинений в пяти из восьми категорий (против личности ($t(652) = -5,46, p < 0,001, d = 0,35$), имущественные ($t(787) = 2,48, p = 0,013, d = 0,16$), дорожно-транспортные ($t(1172) = 7,24, p < 0,001, d = 0,41$), нарушения границ ($t(600) = -4,99, p < 0,001, d = 0,31$) и проституция ($t(778) = 6,57, p < 0,001, d = 0,32$)). Также значимые различия были выявлены для категорий «тип обвинения» ($X^2(2, N = 1174) = 64,78, p < 0,001, Cramer's V = 0,26$), «арест обвиняемого» ($X^2(1, N = 1174) = 80,62, p < 0,001, \phi = 0,26$) и «самое серьезное обвинение»

($X^2(7, N = 1174) = 168,9, p < 0,001, Cramer's V = 0,38$). Что касается дополнительных переменных, которые не указаны среди данных о передаче дел, то значимыми оказались распределение рассмотрения дел по существу по самому серьезному обвинению и средняя разность количества отклоненных обвинений ($X^2(4, N = 1174) = 47,72, p < 0,001, Cramer's V = 0,20$; и $t(1172) = -6,4, p < 0,001, d = 0,38$ соответственно). Для лиц с расстройствами поведения самые серьезные из предъявленных обвинений чаще бывали отклонены и в среднем больше обвинений таких лиц были отклонены по сравнению с лицами без расстройств поведения.

В табл. 5 представлено сравнение среднего количества обвинений по типам дел для лиц с расстройствами поведения и без таковых, а также разность количества обвинений по типам дел среди дел, переданных в прокуратуру, и принятых к рассмотрению в суде.

Для удобства сравнения количество дел, переданных в прокуратуру, и предъявленных обвинений повторены из предыдущих таблиц, а новая информация, т. е. разность количества обвинений

Таблица 5

Среднее количество дел, переданных в прокуратуру и принятых на рассмотрение, с участием лиц с расстройствами поведения принималось и без таковых, в зависимости от типа правонарушения

Table 5. Crisis and Non-Crisis Suspect Comparison of Average Referral and Filed Counts by Charge Type

Переданные в прокуратуру дела / Charges	Передано в прокуратуру / City Attorney Referrals		Принято на рассмотрение / City Attorney Filed		Разность между переданными и принятыми делами / Referral-Filed Difference	
	С расстройствами поведения $n = 479$ / Crisis	Без расстройств поведения $n = 973$ / Non-Crisis	С расстройствами поведения $n = 395$ / Crisis	Без расстройств поведения $n = 779$ / Non-Crisis	С расстройствами поведения $n = 395$ / Crisis	Без расстройств поведения $n = 779$ / Non-Crisis
Против личности / Person	0,65	0,47***	0,81	0,52***	0,15	0,05***
Имущественное / Property & Theft Related	0,24	0,33**	0,27	0,36*	0,03	0,01
Дорожно-транспортное / Vehicle & Driving-Related	0,05	0,23***	0,07	0,30***	0,02	0,03
Оружие / Weapon	0,06	0,04+	0,07	0,04+	0,00	0,00
Нарушение границ владений / Trespassing	0,21	0,11***	0,23	0,11***	0,00	0,01
Проституция / Prostitution	0,00	0,04***	0,00	0,05***	0,00	0,00
Нарушения общественного порядка / Public Order	0,06	0,04+	0,08	0,04*	0,01	0,00
Другое / Other	0,04	0,04	0,04	0,04	0,00	0,00

+ < 0,10; * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001.

по типам дел среди дел, переданных в прокуратуру и принятых к рассмотрению в суде, дана в последних двух строках. Из всех типов дел значимое различие было выявлено только для количества переданных в прокуратуру дел и обвинений в преступлениях против личности ($t(501) = -3,53, p < 0,001, d = 0,24$). А именно лица с расстройствами поведения имели в среднем на 0,15 обвинения по преступлениям против личности больше по сравнению с количеством дел, переданных из отдела полиции в прокуратуру, тогда как лица без расстройств поведения имели лишь на 0,05 такого обвинения больше. Кроме того, эта таблица показывает число лиц, дела которых не были переданы в суд. 82,5 % дел лиц с расстройствами поведения были переданы в суд, тогда как для лиц без расстройств поведения этот показатель составил 80,1 %.

Информация из базы данных городского суда о количестве обвинений за мисдиминор и рассмотрения дел по существу (табл. 6) показывает распределение решений суда по этим делам.

В отличие от предыдущих таблиц здесь объем выборки непостоянен для всех представленных переменных, что показано значением n . Значимыми являются три из первых четырех средневзвешенных разностей. Во-первых, это среднее количество раз, когда обвиняемый признавал себя виновным; оно выше для лиц без расстройств поведения ($t(1063) = 3,1, p = 0,002, d = 0,20$). Кроме того, для таких лиц обвинение чаще менялось в результате судебного следствия в сторону их виновности или невиновности ($t(1063) = 2,18, p = 0,030, d = 0,14$ и $t(694) = 4,13, p < 0,001, d = 0,23$ соответственно). Для следующих пяти переменных были рассчитаны хи-квадраты, чтобы определить, существует ли значимая связь между каждой переменной и наличием или отсутствием расстройства поведения при совершении правонарушения. Обнаружилось, что все эти показатели значимые. Как и было показано по информации из других баз данных, лица с расстройствами поведения чаще совершали уголовные и реже дорожно-транспортные правонарушения по сравнению с лицами без таких расстройств ($X^2(1, N = 1065) = 50,81, p < 0,001, \phi = 0,22$). Что касается конкретных видов правонарушений, лица с расстройствами поведения гораздо реже участвовали в вождении в нетрезвом виде и немного реже в домашнем насилии ($X^2(2, N = 1065) = 56,15,$

$p < 0,001, Cramer's V = 0,23$). Кроме того, что также соответствует информации из других баз данных, лица с расстройствами поведения, чьи дела были переданы в суд, чаще подвергались аресту и реже получали повестки в суд, чем лица без таких расстройств ($X^2(1, N = 1065) = 102,27, p < 0,001, \phi = 0,31$). Что важно для нашего исследования, лица с расстройствами поведения хотя бы однажды участвовали в слушаниях суда для лиц с психическими заболеваниями более чем в пять раз чаще, чем лица без таких расстройств (51 и 10 % соответственно ($X^2(1, N = 1172) = 242,27, p < 0,001, \phi = 0,46$)), а вопрос о дееспособности первых поднимался более чем в шесть раз чаще, чем для вторых (41,1 и 6,6 % соответственно ($X^2(1, N = 1172) = 209,75, p < 0,001, \phi = 0,42$)).

Оставшиеся переменные показывают результаты 17 тестов сравнения среднего арифметического между выборками, из которых лишь шесть оказались значимыми, а именно: количество исков с изменением обвинения, отклоненных с правом предъявления иска по тому же основанию ($t(582) = -5,94, p < 0,001, d = 0,39$), отклоненных в связи с появлением дополнительных свидетельств ($t(997) = 5,11, p < 0,001, d = 0,31$) и отклоненных из-за отсрочки рассмотрения ($t(894) = 2,94, p = 0,003, d = 0,19$). Таким образом, в среднем иски в отношении лиц с расстройствами поведения чаще отклонялись с правом предъявления иска по тому же основанию и меньше исков было отклонено в связи с появлением дополнительных свидетельств или из-за отсрочки рассмотрения дела, чем в случаях без расстройства поведения. Что касается конкретных причин отклонения исков, то в среднем иски в отношении лиц с расстройствами поведения чаще отклонялись из-за признания их недееспособности ($t(314) = -7,89, p < 0,001, d = 0,70$) и реже – из-за недостаточности доказательств или отсутствия свидетелей ($t(555) = 4,62, p < 0,001, d = 0,38$) и по другим причинам ($t(556) = 4,18, p < 0,001, d = 0,35$). Интересно, что не было обнаружено значимых различий в среднем количестве повесток и основаниях для закрытия повесток между двумя исследуемыми группами.

Изучение прошлого опыта задержаний за мисдиминор (табл. 7) показывает, что для лиц с расстройствами поведения их количество устойчиво выше, чем для лиц без расстройств.

Таблица 6

Приговоры и рассмотрение дел по существу по мисдиминору
Table 6. Suspect Misdemeanor Court Charges and Outcomes

Показатель / Indicator	Приговор / Sentence	С расстройствами поведения n = 370 / Crisis	Без расстройств поведения n = 695 / Non-Crisis
В результате признания обвинение изменилось на ^b / Count of Charge Pleas Changed to ^b	Не виновен / Not Guilty	0,75	0,79
	Виновен / Guilty	0,65	0,86**
В результате расследования обвинение изменилось на ^b / Count of Charge Finding Changed to ^b	Виновен / Guilty	0,52	0,61*
	Не виновен / Not Guilty	0,00	0,03***
Тип дела ^a / Case Type ^a	Уголовное / Criminal	95,4 %	78,8 %***
	Дорожно-транспортное / Traffic	4,6 %	21,2 %
Вид дела ^a / Case Specialization ^a	Домашнее насилие / DV	17,8 %	22,9 %***
	Вождение в нетрезвом виде / DUI	4,3 %	19,3 %
	Другое / Other	77,8 %	57,8 %
Действия при задержании ^a / Action at Arrest ^a	Арестован / Booked	89,7 %	60,0 %***
	Вызван повесткой / Summons	10,3 %	40,0 %
		n = 394	n = 778
Участие в суде для лиц с психическими заболеваниями ^a / Mental Health Court ^a	Да / Yes	51,0 %	10,0 %***
Дееспособность ^a / Competency ^a	Да / Yes	41,1 %	6,6 %***
		n = 366	n = 684
В результате судебного разбирательства обвинение изменилось на ^b / Count of Charge Disposition Changed to ^b	Обвинение не предъявлено / No charge filed	0,15	0,15
	Иск отклонен без права предъявления иска по тому же основанию / Dismissed w/ Prejudice	0,25	0,36
	Иск отклонен с правом предъявления иска по тому же основанию / Dismissed w/o Prejudice	0,56	0,25***
	Дополнительные свидетельства / Finding entered	0,11	0,25***
	Отсрочка рассмотрения дела / Pending	0,11	0,19**
	Отсрочка исполнения приговора / Suspended Sentence	0,42	0,44
	Другое / Other	0,10	0,15+
		n = 239	n = 334
Причины отклонения иска ^b / Count of Dismissal Reason ^b	Согласованное сторонами признание вины / Negotiated Plea	0,46	0,50
	Недееспособность / Not Competent	0,65	0,12***
	Недостаточность доказательств или отсутствие свидетелей / Proof Problems or No Witness	0,18	0,45***
	Другое / Other	0,12	0,30***
Общее количество повесток ^b / Total Warrant Count ^b	В среднем / Average	0,59	0,66
		n = 140	n = 301
Количество закрытых повесток ^b / Warrant Close Count ^b	Обвиняемый задержан / Booked	1,41	1,33
	Повестка отменена / Cancelled	0,02	0,06+
	Обвиняемый отпущен под залог / Bail or Bond	0,01	0,04
	Повестка аннулирована / Quashed	0,15	0,21
	Обвиняемый отпущен под собственную гарантию / Released Own Recognizance	0,06	0,06

+ < 0,10; * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001;

^a хи-квадрат / chi-square;

^b критерий Стьюдента / t-test.

Если распределить задержания за мисдиминор по определенным периодам до и после интересующего нас задержания, то результаты покажут значимые различия за периоды в два года, один год, шесть, три и один месяц до ($X^2(1, N = 1558) = 15,96, p < 0,001, \varphi = 0,10; X^2(1, N = 1558) = 14,86, p < 0,001, \varphi = 0,10; X^2(1, N = 1558) = 10,69, p = 0,001, \varphi = 0,08; X^2(1, N = 1558) = 9,76, p = 0,002, \varphi = 0,08;$ и $X^2(1, N = 1558) = 4,54, p = 0,033, \varphi = 0,05$ соответственно), а также за те же периоды после ($X^2(1, N = 1558) = 15,37, p < 0,001, \varphi = 0,10; X^2(1, N = 1558) = 19,07, p < 0,001, \varphi = 0,12; X^2(1, N = 1558) = 24,62, p < 0,001, \varphi = 0,13; X^2(1, N = 1558) = 21,08, p < 0,001, \varphi = 0,11;$ и $X^2(1, N = 1558) = 16,88, p < 0,001, \varphi = 0,10$ соответственно) изучаемого задержания. Так, 51,1 % лиц с расстройствами поведения имели хотя бы одно задержание в течение двух лет до изучаемого задержания, по сравнению с 40,4 % лиц без таких расстройств. Аналогично, 52,1 % лиц с расстройствами поведения имели хотя бы одно задержание за другое правонарушение в течение двух лет после изучаемого задержания, по сравнению с 41 % лиц без расстройств поведения. Разница в среднем числе

задержаний была также статистически значимой: лиц с расстройствами поведения задерживали чаще как до, так и после изучаемого задержания ($t(885) = -2,81, p = 0,005, d = 0,15;$ и $t(855) = -3,58, p < 0,001, d = 0,20$ соответственно).

Обсуждение

Представленные результаты вносят вклад в пока еще немногочисленные, но все более расширяющиеся исследования по проблеме судопроизводства при мисдиминорах, обращая особое внимание на различия между инцидентами с участием лиц с расстройствами поведения и без таковых. Получены данные о прохождении лиц с расстройствами поведения судебной процедуры по делам о мисдиминоре в Сиэтле. Результаты исследования позволяют лучше понять, в какой мере лица с психическими заболеваниями, алкогольной и наркотической зависимостью представляют угрозу общественной безопасности, а также насколько прохождение такими лицами судебной процедуры по делам о мисдиминоре может улучшить ситуацию с безопасностью как этих лиц, так и общества в целом.

Таблица 7

Доля лиц, подвергавшихся аресту в течение определенного времени до и после изучаемого задержания

Table 7. Percent of Persons with Arrests at Specific Times before and after Arrest of Interest

Показатель /	Срок / Period	С расстройствами поведения n = 505 / Crisis	Без расстройств поведения n = 1053 / Non-Crisis
Предыдущие аресты за другие правонарушения ^a / Prior Arrests for Non-Related Offense ^a	2 года / 2 Years	51,1 %	40,4 %***
	1 год / 1 Year	42,4 %	32,4 %***
	6 месяцев / 6 Months	32,7%	24,8 %**
	3 месяцев / 3 Months	23,8 %	17,1 %**
	1 месяц / 1 Month	11,3 %	8,0 %*
Последующие аресты за другие правонарушения ^a / Subsequent Arrests for Non-Related Offense ^a	1 месяц / 1 Month	11,7 %	6,0 %***
	3 месяцев / 3 Months	24,0 %	14,9 %***
	6 месяцев / 6 Months	35,6 %	23,6 %***
	1 год / 1 Year	45,3 %	33,3 %***
	2 года / 2 Years	52,1 %	41,0 %***
Количество арестов за два предыдущих года ^b / Arrest Count 2 Years Prior ^b	В среднем / Average	1,5	1,2**
Количество арестов за два последующих года ^b / Arrest Count 2 Years After ^b	В среднем / Average	1,6	1,2***

* < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001.

^a хи-квадрат / chi-square.

^b критерий Стьюдента / t-test.

Ряд ключевых результатов дает важную информацию системе уголовного судопроизводства относительно лиц с расстройствами поведения, задержанных за мисдиминор. Проанализированы следующие данные по Сиэтлу за 2014–2018 гг.: демографические характеристики лиц, задержанных за мисдиминор с отметкой о расстройстве поведения; частота задержаний, арестов, передачи дел в прокуратуру и вынесения судебных решений за такие правонарушения; сроки, которые проводят в заключении лица с расстройствами поведения и без таковых, задержанные за мисдиминор; характер судебных решений, вынесенных по таким делам, относительно лиц с расстройствами поведения и без таковых.

Анализ демографических характеристик показал, что по расово-этническому составу лиц с расстройствами поведения, задержанных за мисдиминор, среди них преобладают черные и белые, а азиатов и коренных американцев меньше в процентном отношении к общему количеству лиц, задержанных за такие правонарушения. Среди белых задержанных с расстройствами поведения больше, чем без таковых (примерно на 3–5 % больше во всех базах данных). Примечательны данные о различиях по полу. В нашей выборке женщины составляют значительно больший процент задержанных с расстройствами поведения, чем без таковых. В более ранних исследованиях было показано, что мужчины получают более суровые приговоры за мисдиминор, чем женщины [39]. При этом женщины с большей вероятностью подвергаются аресту за имущественные правонарушения [79] и правонарушения, связанные с наркотиками. Кроме того, по сравнению с мужчинами такие женщины в среднем более бедные, имеют более низкий уровень образования и чаще не имеют профессии; с большей вероятностью имеют психические заболевания, алкогольную или наркотическую зависимость, физические и сексуальные травмы в прошлом; а также чаще являются единственными опекунами малолетних детей [80]. Все это свидетельствует о том, что такие женщины должны попадать в сферу влияния не столько уголовной юстиции, сколько социальных служб. Это позволяет понять, почему доля женщин непропорционально высока среди задержанных за мисдиминор лиц с расстройствами поведения. С другой стороны, в обществе издавна бытует стереотипное представление о различных моделях противоправного поведения мужчин и женщин: пове-

дение мужчин считают обусловленным их собственным выбором, а женщин – скорее некими факторами, например, психическим заболеванием [81]. Отметка в деле о наличии или отсутствии расстройства поведения ставится сотрудником полиции. В более ранних исследованиях было показано, что простановка такой отметки может зависеть от информации, полученной диспетчером, наличия или отсутствия наркотиков, места происшествия (например, район, где проживает много бездомных), других факторов [82]. В Сиэтле все штатные полицейские обязаны пройти базовый курс подготовки по реагированию на кризисные ситуации; большинство полицейских прошли курс по программе *CIT* в объеме 40 учебных часов [63]. Таким образом, они должны быть готовы идентифицировать поведение, свидетельствующее о психическом расстройстве. Однако культурные стереотипы¹¹ могут все же повлиять на них. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы определить, являются ли гендерные различия, обнаруженные в нашей работе, результатом такого стереотипного мышления при простановке отметки о наличии или отсутствии расстройства поведения или женщины действительно чаще являются участниками инцидентов с расстройствами поведения. В любом случае доля женщин среди задержанных за мисдиминор лиц с расстройствами поведения в Сиэтле непропорционально высока, что требует особого внимания к этому вопросу в процессе судопроизводства по делам о мисдиминоре [84–87].

Наше исследование показало, что среди мисдиминоров с расстройствами поведения больше преступлений против личности, чем среди мисдиминоров без расстройств, а также больше правонарушений, связанных с оружием, нарушением границ владений, нарушением общественного порядка, и не связанных с дорожно-транспортными происшествиями. Лица,

¹¹ Исследователями давно отмечено влияние стереотипов на различия в прохождении лиц женского и мужского пола, задержанных за антиобщественное поведение, через систему уголовного правосудия. Женщины стереотипизируются как «неуравновешенные», а мужчины – как «ответственные», в результате чего первые чаще направляются в систему психиатрической помощи, а вторые – в систему уголовного правосудия. Таким образом, женщины инфантилизируются, а на мужчин налагается ответственность за противоправное поведение [81, 83], что создает гендерное неравенство и дискриминацию в уголовном судопроизводстве.

участвующие в таких инцидентах, гораздо чаще арестовывались при первом правонарушении и имели большее количество предыдущих арестов; для них значительно выше вероятность быть задержанными, арестованными, осужденными, получить несколько приговоров, оказаться в местах лишения свободы, чем у лиц без расстройств поведения. Все это говорит о том, что мисдиминарам с расстройствами поведения уделяется особое внимание. Этот вывод соответствует более ранним работам, в которых показано, что лица с психическими заболеваниями по-другому проходят через систему уголовного судопроизводства, чем лица без таковых; в частности, первые при аресте за мисдиминор проводят в заключении на восемь дней дольше, чем вторые [14]. Кроме того, наши результаты свидетельствуют о том, что значительная часть мисдиминоров с расстройствами поведения является преступлениями против личности, приводя к формальной процедуре уголовного судопроизводства. Этот вывод в определенной мере является ответом на сомнения общественности в способности системы уголовного правосудия обеспечить общественную безопасность, возникшие после упоминавшихся выше случаев, когда лица, совершившие несколько мисдиминоров против личности, заканчивали более серьезными насильственными преступлениями.

Значимая разница была обнаружена в количестве дней от задержания до окончания дела: 18 дней для лиц с расстройствами поведения и 55,5 дня для лиц без таковых. Причина такого положения остается неясной, необходимы дальнейшие исследования конкретных дел. Одно из возможных объяснений состоит в том, что инциденты с расстройствами поведения чаще являются правонарушениями против личности, в которых либо сразу имеются явные основания для определения дееспособности, отклонения дела или вынесения решения по делу, либо в них имеются столь же явные основания для применения альтернативных мер воздействия, например, для передачи дела в суд для лиц с психическими заболеваниями, в программу *LEAD* или *LINC*.

Что касается рассмотрения дел по существу, наши результаты показывают, что в делах лиц с расстройствами поведения самое серьезное обвинение чаще отклоняется и в среднем обвинения вообще отклоняются чаще, чем в делах лиц без расстройств поведения. Вполне естественно, что первые в пять раз

чаще, чем вторые, участвовали в слушаниях дела в судах для лиц с психическими заболеваниями и в шесть раз чаще – в процедурах по установлению дееспособности; их дела были отклонены по причине недееспособности чаще, чем по причине недостаточности доказательств или отсутствия свидетелей. Кроме того, дела лиц с расстройствами поведения в среднем чаще отклонялись с правом предъявления иска по тому же основанию и меньше дел были отклонены из-за дополнительных свидетельств или отсрочки по сравнению с делами лиц без расстройств поведения. Это позволяет предположить, что дела лиц с расстройствами поведения могли быть рассмотрены позже с использованием дополнительной информации. Более высокий уровень отклонения исков по делам лиц с расстройствами поведения, чем без таковых, говорит о том, что инновационные программы (суд для лиц с психическими заболеваниями, программы *LEAD* и *LINC*), применяемые в Сиэтле и направленные на сотрудничество различных служб при реагировании на кризисные ситуации, принесли положительные результаты. С их помощью был создан механизм действий, когда более серьезные мисдиминоры, например, преступления против личности, проходят через систему уголовного судопроизводства, а иски по незначительным правонарушениям отклоняются и совершившие их лица с расстройствами поведения перенаправляются в другие службы и получают помощь. В данной работе не изучался вопрос о последующих действиях по конкретным искам (например, получал ли задержанный помощь по программам *LINC* или *LEAD*), и этот вопрос требует дальнейших исследований. Необходимо изучить, как альтернативные методы наказания (помимо тюремного заключения) влияют на общественную безопасность, уровень рецидивизма и возвращение к нормальной жизни лиц, задержанных за мисдиминор в состоянии расстройства поведения.

Представленные результаты могут быть полезны практикам уголовного правосудия и законодателям при принятии решений относительно лиц, задержанных за мисдиминор и испытывающих ту или иную форму поведенческого кризиса. Работа вносит вклад в обсуждение, идущее на уровне Сиэтла и всей страны, той ситуации, когда лица с расстройствами поведения, совершившие мисдиминор, подвергаются аресту и тюремному заключению чаще, чем лица без расстройств поведения, особенно при правона-

рушениях против личности. Тем, кто в рамках этого обсуждения утверждает, что к лицам с психическими заболеваниями и опасным для общества относятся недостаточно серьезно, мы отвечаем, что это не так. С другой стороны, в конечном итоге лица в состоянии поведенческого кризиса нуждаются в помощи. Остается неизученным вопрос, в какой степени лица с расстройствами поведения, совершившие мисдиминор, могут получить необходимую им помощь, учитывая имеющиеся в Сиэтле ресурсы (например, суд для лиц с психическими заболеваниями, программы *LEAD* и *LINC*). Будущие исследования должны быть посвящены эмпирическому изучению затрат и выгод прохождения через систему уголовного судопроизводства лиц с расстройствами поведения, совершивших мисдиминор. Иными словами, с точки зрения получения ими необходимой им помощи должны ли они проходить через систему уголовного судопроизводства или их дела должны быть отклонены и они должны быть возвращены в сообщество?

Необходимо упомянуть ряд ограничений настоящего исследования. Во-первых, для анализа использовалась относительно небольшая выборка дел, охватывающая период с 2014 по 2018 гг., поскольку ранее не существовало систематической практики отметок в деле о расстройстве поведения. Во-вторых, в работе изучались лишь инциденты с мисдиминором в Сиэтле, поэтому результаты нельзя распространить на другие юрисдикции. Сиэтл представляет собой уникальный случай в этом отношении, учитывая проводившиеся реформы правоохранительных органов и большое количество инновационных программ в области мер, применяемых к лицам с психическими заболеваниями и алкогольной и наркотической зависимостью. Необходимо изучить процедуру по делам о мисдиминоре в других юрисдикциях. Наконец, представленные результаты ограничены количественными данными, доступными из баз данных отдела полиции

Сиэтла, прокуратуры Сиэтла и муниципального суда Сиэтла. Необходимы дальнейшие исследования с помощью различных методов в качественных данных, позволяющих детально описать процедуру прохождения лиц с расстройствами поведения, задержанных за мисдиминор, через систему уголовного судопроизводства.

Наконец, необходимо глубже изучить взаимосвязь между психическими заболеваниями, алкогольной и наркотической зависимостью, бездомностью, с одной стороны, и совершением мисдиминоров и прохождением процедуры судопроизводства по ним, с другой. Необходимы также исследования влияния специальных программ на повышение общественной безопасности, сокращение рецидивизма и возвращение к нормальной жизни лиц, осужденных за незначительные правонарушения, вызванные психическими заболеваниями, употреблением алкоголя и наркотиков. В более ранних работах было показано положительное влияние таких программ на сокращение рецидивизма среди упомянутой категории лиц [11, 88–91], при этом отмечались многообещающие результаты таких программ, как *LEAD* в Сиэтле [72, 71, 73], а также сотрудничества на базе отделов полиции по модели *CIT*, которые дают много возможностей для решения дел лиц с расстройствами поведения [62]. Кроме того, было показано, что число арестов лиц с психическими заболеваниями сокращается в результате принудительного амбулаторного лечения [92], как и при использовании судов для лиц с психическими заболеваниями [93, 94]. Наше исследование дает информацию о том, что происходит с лицами, задержанными в состоянии поведенческого кризиса, и позволяет достичь баланса между потребностями и правами таких лиц и интересами общественной безопасности и усовершенствовать подходы и практические меры при работе с мисдиминорами с участием лиц в кризисном состоянии в Сиэтле и других юрисдикциях.

Список литературы / References

1. Natapoff A. *Punishment without crime: How our massive misdemeanor system traps the innocent and makes America more unequal*, New York, NY, Basic Books, 2018.
2. 2017 crime in the United States, *United States Department of Justice*, available at: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2017/crime-in-the-u.s.-2017/home>
3. Helfgott J. B. *Criminal behavior: Theories, typologies, and criminal justice*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2008.
4. Natapoff A. Misdemeanors, *Southern California Law Review*, 2017, No. 85, pp. 1313–1376.

5. Roberts J. Why misdemeanors matter: defining effective advocacy in the lower criminal courts, *University of California-Davis Law Review*, 2011, No. 45 (2), pp. 277–372.
6. Stevenson M., Mayson, S. The scale of misdemeanor justice, *Boston University Law Review*, 2018, No. 98 (3), pp. 731–777.
7. Beckett K., Herbert S. Dealing with disorder: Social control in the post-industrial city. *Theoretical Criminology*, 2008, No.12 (5), pp. 5–30. DOI: 10.1177/1362480607085792
8. Beckett K., Herbert S. Penal boundaries: Banishment and the expansion of punishment, *Law & Social Inquiry*, 2010, No. 55 (1), pp. 1–38. DOI: 10.1111/j.1747-4469.2009.01176.x
9. Beckett K., Herbert S. *Banished: The new social control in urban America*, New York, NY: Oxford University Press, 2010.
10. Midtveit E. Crime prevention and exclusion: From walls to opera music, *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 2005, No. 6, pp. 23–38. DOI: 10.1080/14043850510035137
11. Alaraid L. F., Rubin M. Misdemeanor arrestees with mental health needs: Diversion and outpatient services as a recidivism reduction strategy, *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2018, No. 62 (3), pp. 575–590. DOI: 10.1177/0306624X16652892
12. Mack Jr. M. L. *Decriminalization of mental illness: Fixing a broken system*, 2017, retrieved from Conference of State Court Administrators website: <https://cosca.nesc.org/~media/Microsites/Files/COSCA/Policy%20Papers/2016-2017-Decriminalization-of-Mental-Illness-Fixing-a-Broken-System.ashx>
13. Schug R. A., Fradella H. F. *Mental illness and crime*, Thousand Oaks, CA: Sage, 2015.
14. Harris V., Dagadakis C. Length of incarceration: Was there parity for mentally ill offenders?, *International Journal of Law and Psychiatry*, 2004, No. 27 (4), pp. 387–393. DOI: 10.1016/j.ijlp.2004.04.001
15. Beck B. Broken windows in the cul-de-sac? Race/ethnicity and quality-of-life policing in the changing suburbs, *Crime & Delinquency*, 2019, No. 65 (2), pp. 270–292. DOI: 10.1177/0011128717739568
16. Johnson B. D., Golub A., McCabe J. The international implications of quality-of-life policing as practiced in New York City, *Public Practice and Research*, 2010, No. 11 (1), pp. 17–29. DOI: 10.1080/15614260802586368
17. Katz C. M., Webb V. J., Schaefer D. R. An assessment of the impact of quality-of-life policing on crime and disorder, *Justice Quarterly*, 2001, No. 18 (4), pp. 825–876. DOI: 10.1080/07418820100095111
18. Vitale A. S. Innovation and institutionalization: Factors in the development of "quality of life" policing in New York City, *Policing & Society*, 2005, No. 15 (2), pp. 99–124. DOI: 10.1080/10439460500071754
19. Weisburd D. Hot spots of crime and place- based prevention, *Criminology & Public Policy*, 2018, No. 17 (1), pp. 5–25. DOI: 10.1111/1745-9133.12350
20. Weisburd D., Groff E. R., Yang S. *The criminology of place: Street segments and our understanding of the crime problem*, Oxford, England, Oxford University Press, 2012.
21. Wilson J. Q., Kelling G. L. Broken windows: The police and neighborhood safety, *The Atlantic*, 1982, No. 249 (3), pp. 29–38.
22. Golub A., Johnson B. D., Taylor A. Quality of life policing: Do offenders get the message? *Policing*, 2003, No. 26 (4), pp. 690–707. DOI: 10.1108/13639510310503578
23. Bellafonte G. The dark side of 'broken windows' policing, *The New York Times*, January 16, 2015, available at: <https://www.nytimes.com/2015/01/18/nyregion/the-dark-side-of-broken-windows-policing.html>
24. Levine H. Marijuana arrests: Gateway into the Criminal Justice System, *The Brooklyn Rail*, October 3, 2011, available at: <https://brooklynrail.org/2011/10/local/marijuana-arrests-gateway-into-the-criminal-justice-system>
25. Zhao J. S., Lai Y., Ren L., Lawton B. The impact of race/ethnicity and quality-of-life policing on public attitudes toward racially biased policing and traffic stops, *Crime & Delinquency*, 2015, No. 61 (3), pp. 350–374. DOI: 10.1177/0011128711398028
26. Elliot L., Golub A., Dunlap E. Off the street and into "the cut": Deterrence and displacement in NYC's quality of life marijuana policing, *International Journal of Drug Policy*, 2012, No. 23 (3), pp. 210–219. DOI: 10.1016/j.drugpo.2011.08.006
27. Fisher W. H., Simon L., Roy-Bujnowski K., Grudzinskas A., Wolff N., Crockett E., Banks S. Risk of arrest among public mental health services recipients and the general public, *Psychiatric Services*, 2011, No. 62 (1), pp. 67–72. DOI: 10.1176/ps.62.1.pss6201_0067
28. Chauhan P., Fera A. G., Welsh M. B., Balazon E., Misshula E. *Trends in misdemeanor arrest rates in New York*. 2014, October. Retrieved from Data Collaborative for Justice website: <http://datacollaborativeforjustice.org/wp-content/uploads/2016/08/Misdemeanor-Report.pdf>
29. Patten M., Bond E., Low-Weiner C., Hood Q. O., Lu O., Tomascak S., Chauhan, P. *Trends in marijuana enforcement in New York State, 1990–2017*. 2019. Retrieved from Data Collaborative for Justice website: https://datacollaborativeforjustice.org/wp-content/uploads/2019/02/MARIJUANA.REPORT.FINAL_NEW_APPENDIX.pdf
30. Chauhan, P., Tomascak, S., Cuevas, C., Hood, Q. O., & Lu, O. (2018, February). *Trends in Arrests for Misdemeanor Charges in New York City, 1993–2016*. Retrieved from Misdemeanor Justice Project website: http://misdemeanorjustice.org/wp-content/uploads/2018/01/2018_01_24_MJP.Char.ges.FINAL_.pdf

31. Helfgott J. B., Parkin W. S., Fisher C., Morgan L., Kaur S. *Trends in misdemeanor arrests, referrals, and charges in Seattle*, 2018. Retrieved from Data Collaborative for Justice website: https://datacollaborativeforjustice.org/wp-content/uploads/2018/10/Trends_in_Misdemeanors_Seattle.pdf
32. Evans S. A., Salekin K. I. Involuntary civil commitment: Communicating with the court regarding “danger to other”, *Law and Human Behavior*, 2014, No. 38 (4), pp. 325–336. DOI: 10.1037/lhb0000068
33. Stone D. Dangerous minds: Myths and realities behind the violent behavior of the mentally ill, public perceptions, and the judicial response through involuntary civil commitment, *Law & Psychology Review*, 2018, No. 42, pp. 59–83.
34. Grande A. *Man arrested for trying to throw woman off Seattle overpass*. 2019, March 19. Retrieved from: <https://www.kiro7.com/news/local/man-arrested-for-trying-to-throw-woman-off-seattle-overpass/931766654>
35. MYNorthwest Staff, *Seattle suspect has long history with police, state mental health*, March 21, 2019. Retrieved from: <https://mynorthwest.com/1315319/seattle-jonathan-james-wilson-history/>
36. *Washington State Legislature (n. d.)*. Revised code of Washington 71.05. Retrieved from: <https://app.leg.wa.gov/rcw/default.aspx?cite=71.05>
37. Feely M. M. *The process is punishment: Handling cases in a lower criminal court*, New York, NY: Russell Sage Foundation, 1992.
38. Nelson J. A dollar or a day: Sentencing misdemeanants in New York State, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1994, No. 31 (2), pp. 183–201. DOI: 10.1177/0022427894031002006
39. Munoz E. A., Freng A. B. Age, racial/ethnic minority status, gender and misdemeanor sentencing, *Journal of Ethnicity and Criminal Justice*, 2007, No. 5 (4), pp. 29–57. DOI: 10.1300/J222v05n04_02
40. Berdejo C. Criminalizing race: Racial disparities in plea-bargaining, *Boston College Law Review*, 2018, No. 59(4), pp. 1188–1249.
41. Brennan P. K. Sentencing female misdemeanants: An examination of the direct and indirect effects of race/ethnicity, *Justice Quarterly*, 2006, No. 25 (1), pp. 60–95. DOI: 10.1080/07418820600552477
42. Munoz E. A., McMorris B. J. Misdemeanor sentencing decisions: The cost of being Native American, *The Justice Professional*, 2002, No. 15 (3), pp. 239–259. DOI: 10.1080/08884310215664
43. Munoz E. A., Sapp S. G. Racial/ethnic misdemeanor sentencing disparities: Additional evidence for contextual discrimination, *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*, 2003, No. 1 (2), pp. 27–46. DOI: 10.1300/J222v01n02_02
44. Lindsay P. *Seattle Municipal Court*, 2016. Retrieved from: <https://www.seattle.gov/Documents/Departments/Council/Committees/CentralStaff/TopicPapers/6b.-Seattle-Municipal-Court.pdf>
45. Chappel D. (Ed.) *Policing and the mentally ill: International perspectives*, Boca Raton, FL, CRC Press, 2013.
46. Compton M. T., Bahora M., Watson A. C., Oliva J. R. A comprehensive review of extant research on Crisis Intervention Team (CIT) programs, *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online*, 2008, No. 36 (1), pp. 47–55.
47. Compton M. T., Esterberg M. L., McGee R., Kotwicki R. J., Oliva J. R. Brief reports: Crisis intervention team training: Changes in knowledge, attitudes, and stigma related to schizophrenia, *Psychiatric Services*, 2006, No. 57 (8), pp. 1199–1202. DOI: 10.1176/ps.2006.57.8.1199
48. Compton M. T., Neubert B. N. D., Broussard B., McGriff J. A., Morgan R., Oliva J. R. Use of force preferences and perceived effectiveness of actions among Crisis Intervention Team (CIT) police officers and non-CIT officers in an escalating psychiatric crisis involving a subject with schizophrenia, *Schizophrenia bulletin*, 2009, No. 37 (4), pp. 737–745. DOI: 10.1093/schbul/sbp146
49. Davidson M. L. A criminal justice system-wide response to mental illness: Evaluating the effectiveness of the Memphis crisis intervention team training curriculum among law enforcement and correctional officers, *Criminal Justice Policy Review*, 2016, No. 27 (1), pp. 46–75. DOI: 10.1177/0887403414554997
50. Dupont R., Cochran S., Pillsbury S. *Crisis Intervention Team core elements*. The University of Memphis School of Urban Affairs and Public Policy, Dept. of Criminology and Criminal Justice, CIT Center, 2007. Retrieved from: <http://cit.memphis.edu/CoreElements.pdf>
51. Lurigio A. J., Watson A. The police and people with mental illness: New approaches to a longstanding problem, *Journal of Police Crisis Negotiations*, 2010, No. 10 (1/2), pp. 3–14. DOI: 10.1080/15332586.2010.481895
52. Reuland M., Schwarzfeld M., Draper L. *Law enforcement responses to people with mental illnesses: A guide to research-informed policy and practice*, 2009. Retrieved from Council of State Governments Justice Center website: <https://csgjusticecenter.org/wp-content/uploads/2012/12/le-research.pdf>
53. Watson A. C., Compton M. T., Draine J. N. The crisis intervention team (CIT) model: An evidence-based policing practice? *Behavioral Sciences and the Law*, 2017, No. 35 (5–6), pp. 431–441. DOI: 10.1002/bsl.2304
54. *Treatment Advocacy Center (n. d.)*. *People with untreated mental illness 16 times more likely to be killed by law enforcement*. Retrieved from: <https://www.treatmentadvocacycenter.org/key-issues/criminalization-of-mental-illness/2976-people-with-untreated-mental-illness-16-times-more-likely-to-be-killed-by-law-enforcement>

55. McKean J., Hendricks J. E. The role of crisis intervention in the police response to domestic disturbances, *Criminal Justice Policy Review*, 1997, No. 8 (2/3), pp. 269–294, available at: <https://doi.org/10.1177/088740349700800207>
56. Teller J. L., Munetz M. R., Gil K. M., Ritter C. Crisis intervention team training for police officers responding to mental disturbance calls, *Psychiatric Services*, 2006, No. 57 (2), pp. 232–237. DOI: 10.1176/appi.ps.57.2.232
57. Watson A. C., Fulambarker A. J. The crisis intervention team model of police response to mental health crises: A primer for mental health practitioners, *Best Practices in Mental Health*, 2012, No. 8 (2), pp. 71–81.
58. United States Department of Justice, *Investigation of the Seattle Police Department*, 2011. Retrieved from: https://www.justice.gov/sites/default/files/crt/legacy/2011/12/16/spd_findletter_12-16-11.pdf
59. Lightfoot J. *Seattle police: What they're doing right with troubled people*, 2012, January 12. Retrieved from: <https://crosscut.com/2012/01/seattle-police-what-theyre-doing-right-with-troubl>
60. Neidhart E. *Managing those in crisis: A yearlong analysis of incidents handled by the Seattle Police Department (Unpublished master's thesis)*, Seattle University, Seattle, WA, 2008.
61. Neidhart E. Crisis intervention and police interactions with individuals with mental illness. In J. B. Helfgott (Ed.), *Criminal psychology*, Vol. 3, pp. 139–168. Santa Barbara, CA: Praeger, 2013.
62. Helfgott J. B., Hickman M. J., Labossiere A. A descriptive evaluation of the Seattle Police Department's Crisis response team officer/mental health professional partnership pilot program, *International Journal of Law and Psychiatry*, 2016, No. 44 (1), pp. 109–122. DOI: 10.1016/j.ijlp.2015.08.038.
63. *Seattle Police Manual Crisis Intervention Policy*, July 16, 2018. Retrieved from: <https://www.seattle.gov/police-manual/title-16-patrol-operations/16110-crisis-intervention>
64. United States Department of Justice. *Federal monitor finds Seattle Police Department's crisis intervention efforts in initial compliance with consent decree requirements*, 2016. Retrieved from: <https://www.justice.gov/opa/pr/federa+l-monitor-finds-seattle-police-department-s-crisis-intervention-efforts-initial>
65. Miletich S., Carter M. Seattle police found in 'full and effective compliance' with court-ordered reforms, *The Seattle Times*, January 10, 2018. Retrieved from: <https://www.seattletimes.com/seattle-news/crime/seattle-police-found-in-full-and-effective-compliance-with-court-ordered-reforms/>
66. Lee J. Seattle police have 'embraced' crisis-intervention training, report says. *The Seattle Times*, August 17, 2016. Retrieved from: <https://www.seattletimes.com/seattle-news/crime/seattle-police-have-embraced-crisis-intervention-training-report-says/>
67. Seattle Police Department. *Crisis intervention program report*, 2018. Retrieved from: <https://www.seattle.gov/Documents/Departments/Police/Publications/Crisis-Intervention-Outcome-Report-101818.pdf>
68. Lum C., Vovak H. Variability in the use of misdemeanor arrests by police agencies from 1990 to 2013: An application of group-based trajectory modeling, *Criminal Justice Policy Review*, 2018, No. 29 (6–7), pp. 536–560. DOI: 10.1177/0887403417731598
69. Kondo L. L. Advocacy of the establishment of mental health specialty courts in the provision of therapeutic justice for mentally ill offenders, *Seattle University Law Review*, 2000, No. 24 (2), pp. 373–465.
70. Gutierrez S. Seattle's Mental Health Court celebrates 10 years, *Seattle PostIntelligencer*, 2009, June 16. Retrieved from: <https://www.seattlepi.com/local/article/Seattle-s-Mental-Health-Court-celebrates-10-years-1304568.php>
71. Collins S. E., Nytop K., Clifasefi S. L., Lonczak H. S., Daugaard L. Seattle Law Enforcement Assisted Diversion (LEAD) Program, *Police Chief*, 2016, No. 83 (8), pp. 36–40. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2017.05.008
72. Clifasefi S. L., Lonczak H. S., Collins S. E. Seattle's Law Enforcement Assisted Diversion (LEAD) program: Within-subjects changes on housing, employment, and income/benefits outcomes and associations with recidivism, *Crime & Delinquency*, 2017, No. 63 (4), pp. 429–444.
73. Collins, S. E., Lonczak, H. S., & Clifasefi, S. L. Seattle's Law Enforcement Assisted Diversion (LEAD): Program effects on recidivism outcomes, *Evaluation and Program Planning*, 2017, No. 64 (1), pp. 49–56.
74. King County (n.d.). *Diversion from legal services: LINC prosecutorial diversion program*, Retrieved from: <https://www.kingcounty.gov/depts/community-human-services/mental-health-substance-abuse/diversion-reentry-services/legal-competency.aspx>
75. Case B., Steadman H. J., Dupuis S. A., Morris L. S. Who succeeds in jail diversion programs for persons with mental illness? A MultiSite Study, *Behavioral Sciences and the Law*, 2009, No. 27 (5), pp. 661–674. DOI: 10.1002/bsl.883.
76. Steadman H. J., Naples M. Assessing the effectiveness of jail diversion programs for persons with serious mental illness and co-occurring substance use disorders, *Behavioral Sciences and the Law*, 2005, No. 23 (2), pp. 163–170. DOI: 10.1002/bsl.640
77. Helfgott J. B., Parkin W. S., Danner J. Goodwin G., Bray B., Schuur K., Chandler J., Thomas M., Ro S., Kachurina Z., Yap C., Singer J. *Seattle Police Department's Micro Community Policing Plans: Implementation Evaluation*. Seattle, WA: Seattle University, 2018. Retrieved from: https://www.seattle.gov/Documents/Departments/Police/Reports/2018_Seattle_PD_MicroCommunities.pdf

78. Pooler T. *Mental health needs of misdemeanor defendants: An impact evaluation of the Bronx Mental Health Initiative*, 2015. Retrieved from Center for Court Innovation website: <http://www.courtinnovation.org/sites/default/files/documents/TargetingTheMentalHealthNeedsOfMisdemeanorDefendants.pdf>
79. Steffensmeier D., Harris C. T., Painter-Davis N. Gender and arrests for larceny, fraud, forgery, and embezzlement: Conventional or occupational property crime offenders?, *Journal of Criminal Justice*, 2015, No. 43 (3), pp. 205–217. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2015.03.004
80. Taxman F. S., Cropsey K. L. Women and the criminal justice system: Improving outcomes through criminal justice and non-criminal justice responses, *Women and Criminal Justice*, 2007, No. 17 (2/3), pp. 5–26. DOI: 10.1300/J012v17n02_02
81. Allen H. *Justice unbalanced: Gender, psychiatry and judicial decisions*, Philadelphia, PA, Open University Press, 1987.
82. Bohrman C., Wilson A. B., Watson A., Draine J. How police officers assess for mental illnesses. Victims & Offenders: An International Journal of Evidence-based Research, Policy, and Practice, 2018, No. 15 (8), pp. 1077–1092. DOI: 10.1080/15564886.2018.1527737
83. Gunnison E., Bernat F. P., Goodstein L. *Women, crime, and justice: Balancing the scales*, Hoboken, NJ, Wiley-Blackwell, 2016.
84. Caudy M. S., Tillyer M. S., Tillyer R. Jail vs probation: A gender-specific test of differential effectiveness and moderators of sanction effects, *Criminal Justice and Behavior*, 2018, No. 45 (7), pp. 949–968. DOI: 10.1177/0093854818766375
85. Fogg S., Ney B. *Building gender informed practices at the pretrial stage: Lessons learned about implementing the Inventory of Needs (ION) in Dutchess County, New York*, 2016. Retrieved from National Resource Center on Justice Involved Women website: <https://cjininvolvedwomen.org/wp-content/uploads/2016/05/Pretrial-Monograph-Final-Designed.pdf>
86. Kubiak S. P., Arfken C. L. Beyond gender responsivity: Considering differences among community dwelling women involved in the criminal justice system and those involved in treatment, *Women & Criminal Justice*, 2007, No. 17 (2), pp. 75–94.
87. Salisbury E. J. Program integrity and the principles of gender-responsive interventions: Assessing the context for sustainable change, *Criminology & Public Policy*, 2015, No. 14 (2), pp. 329–338. DOI: 10.1111/1745-9133.12131
88. Loveland D., Boyle M. Intensive case management as a jail diversion program for people with a serious mental illness: A review of the literature, *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2007, No. 51 (2), pp. 130–150, available at: <https://doi.org/10.1177/0306624X06287645>
89. Sirotych F. The criminal justice outcomes of jail diversion programs for persons with mental illness: A review of the evidence, *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 2009, No. 37(4), pp. 461–472.
90. Steadman H., Coccozza J., Veysey B. Comparing outcomes for diverted and nondiverted jail detainees with mental illnesses, *Law and Human Behavior*, 1999, No. 23 (6), pp. 615–627. DOI: 10.1023/A:102238520
91. Swaminath R. S., Mendonca J. D., Vidal C., Chapman P. Experiments in change: Pretrial diversion of offenders with mental illness, *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2002, No. 47 (5), pp. 450–458, available at: <https://doi.org/10.1177/070674370204700506>
92. Swanson J. W., Borum R., Swartz M. S., Hiday V. A., Ryan Wagner H., Burns B. J. Can involuntary outpatient commitment reduce arrests among persons with severe mental illness? *Criminal Justice and Behavior*, 2001, No. 28 (2), pp. 156–189, available at: <https://doi.org/10.1177/0093854801028002002>
93. Hiday V., Wales H., Ray B. Effectiveness of a short-term mental health court: Criminal recidivism one year postexit, *Law and Human Behavior*, 2013, No. 37 (6), pp. 401–411.
94. Moore M. E., Hiday V. Mental health court outcomes: A comparison of re-arrest and re-arrest severity between mental health court and traditional court participants, *Law and Human Behavior*, 2006, No. 30 (6), pp. 659–674. DOI: 10.1007/s10979-006-9061-9
95. Helfgott J. B., Parkin W. S., Fisher Ch. Crisis-flagged Misdemeanors in Seattle: Arrests, Referrals, Charges, and Case Dispositions, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2019, Vol. 20, No. 2, pp. 59–85.

Дата поступления / Received 02.03.2020

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.06.2020

© Хельфготт Ж. Б., Паркин У. С., Фишер К., 2020. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>) 25.06.2020
© Helfgott J. B., Parkin W. S., Fisher Ch., 2020